

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Faculty of Business Administration, University of Economics in Prague
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences
Penza State Technological University
Penza State University

HISTORY, LANGUAGES AND CULTURES OF THE SLAVIC PEOPLES: FROM ORIGINS TO THE FUTURE

Materials of the IV international scientific conference
on November 25–26, 2015

Prague
2015

History, languages and cultures of the Slavic peoples: from origins to the future : materials of the IV international scientific conference on November 25–26, 2015. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015. – 68 p. – ISBN 978-80-7526-064-2

ORGANISING COMMITTEE:

Sergey N. Volkov, doctor of philosophy, professor, head of philosophy department in Penza State Technological University.

Viktor V. Kondrashin, doctor of historical sciences, professor of Penza State University.

Miroslav Sapik, PhD, assistant professor, vice-rector of Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences..

Eva Kashparova, PhD, research associate at University of Economics in Prague.

Bozhena Ivanovska, doctor of arts in the field of social science in the Institute of philosophy and sociology of Polish Academy of Sciences.

Boris A. Doroshin, candidate of historical sciences, assistant professor of the philosophy department of Penza State Technological University.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of history, languages and cultures of the Slavic peoples. Some articles deal with questions of origins of spiritual culture of the Slavs. A number of articles are covered political, legal and economic basis of cooperation between Slavic peoples. Some articles are devoted to religion and unreligious culture of Slavic countries in modern and contemporary history. Authors are also interested in languages and linguistic culture of Slavic nations.

UDC 94(367)

ISBN 978-80-7526-064-2

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2015.
© Group of authors, 2015.

CONTENTS

I. ORIGINS OF SPIRITUAL CULTURE OF THE SLAVS

Куликова Е. А. Язычество и христианство: проблема двоеверия	5
Лазарева О. Г. Лекции И. А. Линниченко как исторический источник по изучению славянских народов.....	8
Sapík M. Kulturní tradice slovanského „éthosu“	11
Свиридова В. П., Головина А. В. История, культура и религия славянского народа	15
Язаджиева С. И. Значение деятельности митрополита Киприана для укрепления межславянских культурных связей.....	17

II. POLITICAL, LEGAL AND ECONOMIC BASIS OF COOPERATION BETWEEN SLAVIC PEOPLES

Бейсенова К. А., Шумкова Э. С., Асауляк Т. В., Дмитришина К. С. Помощь вынужденным переселенцам из Украины в Россию.....	21
Обухова М. В., Галиева Ю. Н. Законодательные основания сохранения культуры народов Российской Федерации в едином культурно-образовательном пространстве	23

III. RELIGION AND UNRELIGIOUS CULTURE OF SLAVIC COUNTRIES IN MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

Дорошин Б. А. Русская православная культура в контексте тенденций социокультурного развития постсовременного общества	26
--	----

Харченко Л. Н. Исторические аспекты деятельности сибирских филиалов Императорского православного Палестинского в конце XIX – начале XX вв.	33
---	----

IV. LANGUAGES AND LINGUISTIC CULTURE OF SLAVIC NA- TIONS AS THE REFLECTION OF THEIR ETHNO-CULTURAL CONSCIOUSNESS

Бекасова Е. Н. О морфонологической корреляции <i>нуж-</i> / <i>нужд-</i> в истории русского языка	39
Бирюкова Е. А. «Задумавшиеся мальчики» в творчестве Ф. М. Достоевского.....	42
Ковальчук Е. А. Явления полилингвизма и билингвизма в журнале «Радянська жінка/жінка»	45
Милостивая А. И. Форенизация и доместикация в переводах романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на английский и немецкий языки.....	48
Тищенко Т. В. Песни патриотической тематики в репертуаре обучающихся вуза культуры	54
Чернявская Я. Л. Народные песни как материал для аудирования на занятиях РКИ	58
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2016 году	62
Информация о журналах «Социосфера» и «Paradigmata poznání»	65
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	66
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	67

I. ORIGINS OF SPIRITUAL CULTURE OF THE SLAVS

ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТИАНСТВО: ПРОБЛЕМА ДВОЕВЕРИЯ

Е. А. Куликова

*Кандидат исторических наук, доцент,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия*

Summary. The paper deals with the problem of dual faith, with the influence that both paganism and Christianity had on Kievan Rus people`s consciousness and outlook. The author also compares Orthodox Christianity and Protestantism by a number of aspects.

Keywords: paganism; Christianity; dual faith.

Данная статья посвящена проблеме двоеверия. Автор рассмотрел влияние язычества и христианства на сознание жителей Киевской Руси. Кроме того, автор сравнил православие и протестантизм по ряду признаков.

Центральное место в культуре древних славян занимало язычество. Первоначально их религиозные представления были связаны с обожествлением сил природы, поклонением земле, солнцу, лесам и рекам. Древнерусская культура складывалась на основе славянского язычества под воздействием языческих варягов (норманнов), христианской Византии, исламского Хазарского каганата [1].

В X веке Киевская Русь была окружена странами, народы которых исповедовали монотеистические религии (христианство, ислам). Князь Владимир встречался с греческими, римскими, болгарскими, еврейскими миссионерами. Его выбор пал на греческую веру (православие), т.к. Киевская Русь в указанный период поддерживала тесные торговые и культурные связи с Византией.

Крещение Руси в 988 году политически и духовно связало ее части, а также способствовало развитию контактов с Европой. С принятием христианства утвердилось новое мировоззрение. Христианство стало основой для объединения древнерусского общества и формирования единого народа. Русский народ воспринял православие из Византии и по-своему его интерпретировал [2].

Православие стало источником идеалов и ценностей. Праведная жизнь заключалась в борьбе со смертными грехами, т. е. с чревоугодием, блудом, алчностью, гневом, печалью, унынием, тщеславием и гордыней. Русское православие способствовало распространению духовности. Для него важна внутренняя жизнь человека. В православии дух главенствует над материей. Духовные ценности ставятся выше мирских (богатства, сла-

вы, почета). Под влиянием православия совершенство человека стало определяться его духовными качествами.

На отношение русского народа к собственности повлиял монашеский образ жизни. Монахи рассматривали материальные блага как общее достояние, которое должно быть распределено между всеми. Владение имуществом одним человеком осуждалось.

В сознании русского народа под влиянием православия бедность ассоциировалась с добродетелью, а богатство – с пороком. Нил Сорский говорил: «Возлюби нищету, нестяжание и смирение». Иной взгляд на бедность и богатство сложился на Западе. Так, в протестантизме бедность считалась карой за грехи, а богатство, материальное благополучие – свидетельством угодности богу, избранности.

В православии сформировалось своеобразное отношение к физическому и умственному труду, а также к вознаграждению за труд. Высшим трудом признавался молитвенный труд, хотя физический труд не принижался. В православии было не принято просить заслуженную плату за свой труд. Это считалось проявлениями гордыни и жадности. Ради спокойствия совести люди нередко трудились даром.

На Западе сложился абсолютно другой менталитет. Там люди привыкли к тому, чтобы их труд адекватно оценивался. Религия на Западе подталкивала к активной экономической деятельности [3].

В течение длительного времени духовная жизнь на Руси определялась православно-языческим синкретизмом. Под синкретизмом подразумевается объединение независимых или разнородных явлений, которое приводит к появлению качественно нового образования. Это происходит при соприкосновении различных религиозных верований.

Двоеверие оказывало влияние на мировоззрение, сознание и мышление людей. Дошедшие до нашего времени источники свидетельствуют о взаимодействии и взаимопроникновении в культуре Киевской Руси различных мировоззрений [4].

Замена язычества христианством была связана с феодализацией общества и вхождением Киевской Руси в число могущественных европейских стран. После принятия христианства в 988 году древнерусское общество постепенно переориентировалось на усвоение византийско-христианских духовных ценностей. На смену родо-племенному миропониманию пришло христианское мировоззрение.

При этом христианское мировоззрение и основанная на нем культура взаимодействовали с языческими культурными ценностями. Под влиянием друг друга язычество и христианство видоизменились. В чистом виде они сохранились только в отдаленных уголках Киевской Руси.

На духовную культуру и художественное творчество жителей восточнославянского государства оказали влияние не только восточное хри-

стианство (православие), но и западное христианство (католицизм), а также неславянское язычество [5].

Таким образом, православие сформировало систему ценностей русского народа, основные черты его сознания. Православие руководило религиозно-нравственным бытом русского народа, регулировало семейные отношения. При этом немалое влияние продолжало оказывать язычество. В результате образовался православно-языческий синкретизм (взаимопроникновение различных форм религии), сочетавший в себе православие с языческой мистикой.

Проникнув в языческое общество, христианство приспособлялось к нему. Христианство приобретало черты той среды, в которую оно проникало. Первоначально новое мировоззрение внедрялось в княжеско-боярской среде. Однако даже среди князей и бояр после крещения Руси сохранялись языческие верования и обряды. Об этом свидетельствуют сохранившиеся литературные памятники, а также результаты археологических раскопок.

Двоеверие утвердилось в древнерусском обществе, охватив почти все социальные слои. Как отмечал Б. Д. Греков, христианизация медленно шла из городов по деревням и весям и, проникая в толщу народных масс, сливалась со старым, привычным образом мыслей и чувств ... это была синкретическая вера, явившаяся результатом претворения христианства в русской народной среде [6].

Библиографический список

1. Грушевицкая Т. Г., Садохин А. П. Культурология. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – С. 530.
2. Флоренский П. Сочинения. – М.: Мысль, 1994. – Т. 1. – С. 641.
3. История и культурология / под ред. Н. В. Шишовой. – М. : Логос, 2004. – С. 213–214.
4. Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. – М., 1964. – С. 7–16.
5. Введение христианства на Руси. – М. : Мысль, 1987. – С. 263–265.
6. Греков Б. Д. Избранные труды. – М., 1959. – Т. 2. – С. 316.

ЛЕКЦИИ И. А. ЛИННИЧЕНКО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

О. Г. Лазарева

*Магистрант,
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского, г. Симферополь,
Республика Крым, Россия*

Summary. The research is devoted to the study of the heritage of pedagogical activity of outstanding historian, Professor Ivan A. Linnichenko. The remaining lectures scientist regarded as the source for the study of the history of the Slavs. The main attention is paid to, postpone the materials from the personal fund I. A. Linnichenko in the State Archive of the Republic of Crimea.

Keywords: I. A. Linnichenko, lectures, history of Russia, the history of Poland.

Использование биоисториографического метода в славяноведческих исследованиях позволяет детализировать вопрос о специфике каждого исторического периода, определять взаимовлияние индивидуума и исторических обстоятельств, проследить связь между общественно-политическими и научными взглядами историков. Анализ лекций различных специальностей, посвященных истории и быту славянских народов, дает возможность проследить истоки некоторых современных концепций.

В этой связи интересны лекции профессора Ивана Андреевича Линниченко (1857–1926). Он преподавал историю России и славянских народов в Московском, Новороссийском и Таврическом университетах. Как историк, И. А. Линниченко стал известным благодаря исследованию социально-правовых отношений в Галицко-Волынской земле времен позднего средневековья. Он имел разносторонние связи внутри и за границей Российской империи, был членом многих научных обществ.

В течение 1884–1885 гг. И. А. Линниченко читал курсы по русской историографии и истории Руси до нашествия монголов в должности приват-доцента Новороссийского университета.

12 марта 1888 года И. А. Линниченко стал приват-доцентом историко-филологического факультета Московского университета, где 21 сентября 1888 года он прочитал первую лекцию – «Научное значение западно-русской истории». В Московском университете работал до 12 марта 1896 года, читал курсы: история Литовско-Русского государства, история Польши, история Литвы, история западных славян, история Чехии, история славяноведения, историко-этнографический обзор славянских племен.

В 1895 году Иван Андреевич подал заявление о переходе на вакантную должность ординарного профессора по всеобщей истории Новороссийского университета. И. А. Линниченко удалось добиться должности профессора по кафедре русской истории [7, с. 217]. На историко-филологическом факультете императорского Новороссийского универси-

тета Иван Андреевич читал ряд общих курсов: история Литовско-русского государства, древнерусская история, русская история XIV–XVIII века, история Польши и Литовско-Русского государства, вступление к истории славян (историко-географический обзор славянских племен), история народного просвещения на Руси, история Литовско-Русского государства и Малороссии, специальные курсы (эпоха Пушкина, эпоха преобразований Петра I, русское общество второй половины XVIII – начала XIX вв.) курсы для желающих студентов (история Новороссии XVI–XVII вв.; чтение древних исторических памятков, историография русской истории и обзор источников, история славянских народов XVIII–XIX вв.).

В 1903–1915 гг. ученый преподавал также историю России и историю славян на женских курсах Одессы (с 1906 года – Одесские Высшие женские курсы). С октября 1920–1925 гг. он преподавал в Таврическом (Крымском) университете историю России и историю русского права.

Важным источником исследования взглядов И. А. Линниченко по истории славян являются его лекции, которые сохранились. В них профессор приводил подробную библиографию истории славян, останавливался на основных вопросах истории средневековья и нового времени: эволюции состояний, религиозной, экономической жизни.

Много времени он отводил обзору историографии. В Государственном архиве Республики Крым сохранилась лекция профессора о древней польской историографии, в которой он выделял хроники по истории Польши В. Кадлубека, Яна Чарнковского, М. Бельского, а также иностранные хроники Виганда из Марбурга, Генриха Латыша и др. [1, л. 7].

Большой интерес И. А. Линниченко к источниковедению истории Польши отражают многочисленные архивные выписки, сохранившиеся в его личном архивном фонде, отложившимся в Одессе. Он пытался дать студентам материал, которого не было в общих работах польских историков (например, М. Бобжинского). На лекциях профессор аргументировано обвинял польских историков в тенденциозности. Только с 1880-х годов, по его мнению, польская историография приобретает подлинно научные черты. Лектор доказывал, что знание истории Польши необходимы для всех, кто должен изучать историю Руси.

Характерными для И. А. Линниченко были отступления от основной темы. Например, рассказывая о Казимира III, он упрекнул полякам за чрезмерное увлечение национальными святынями, склонность считать почти всех своих деятелей большими. Он утверждал, что поляки не является сложившейся нацией, они лишены глубины и оригинальности, по сравнению с русскими: «мечтательность, фантазия уживается у них с практичностью, стремление к свободе личности – с жестоким деспотизмом, достоинство – с унижением, догматизм – с вольнолюбием». Поэтому поляки легко переняли у немцев правовые обычаи, потратили силы на внешнюю борьбу и в результате – упадок.

И. А. Линниченко уделял внимание правовым отношениям, найденные в Государственном архиве Республики Крым лекции посвящены истории польских сеймов и актов, которые провозглашали привилегии, льготы, освобождение от общих повинностей определенные слои населения [2, л. 18; 3, л. 26].

В ГАРК есть лекции профессора о древней польской историографии, истории польских сеймов и актов [2, л. 18; 3, л. 7, 26, 27].

Сохранилась лекция за 3 февраля 1904 г., прочитанная на женских курсах Одессы, где историк доказывал свой тезис, что история каждого народа определяется расой, климатическими условиями страны, ее географическим положением и вызванными им политическими обстоятельствами на примере Русского государства. Ученый считал, что Русское государство защищало в течение тысячелетий не только себя, свою семью, свое достоинство, но и весь добыток тысячелетнего культурного прошлого Запада и в этой защите величайшая услуга, великая мировая задача русского народа: «Не политическая жадность, не стремление к захвату, не экономическая необходимость, а политические интересы и интересы не только личные, но и чужие, интересы всего культурного мира заставляют нас идти все дальше и дальше на восток во исполнение нашей культурной миссии – охраны Европы от Азии...» [4, л. 10].

Из курса по русской истории сохранилась лекция «Система в гл. XVI и XVII Соборного Уложения царя Алексея Михайловича 1649 г.». И. А. Линниченко считал, что в основу положен принцип хронологической последовательности изложения, приводит краткое содержание статей и классифицировал 69 статей XVI главы на 16 групп, а 55 статей XVII главы на 10 групп [5, л. 1–13]. В личном фонде ученого в ГАРК хранятся лекции без начала и конца по истории древней русской истории, в которых рассматриваются вопросы о содержании и достоверности древних летописей [6, л. 1–9].

Хотя имя И. А. Линниченко трудно отнести к определяющему для истории Польши и России, но многолетняя педагогическая деятельность ученого, безусловно, оказала большое влияние на формирование взглядов целого поколения студентов. Следует признать педагогические успехи И. А. Линниченко. Он смог подготовить целую плеяду видных историков, некоторые из которых выросли в выдающихся (М. Е. Слабченко, А. В. Флоровский).

Лекции И. А. Линниченко, оставшиеся, в своей значительной части, в архивах личного фонда профессора, содержит богатейшую информацию о научных взглядах ученых в дореволюционный период. Педагогическое наследие историка, безусловно, представляет разносторонний интерес для восстановления истории славян, в том числе и как важный исторический источник.

Библиографический список

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф.538, оп.1, д. 2
2. ГАРК, ф.538, оп.1, д. 1
3. ГАРК, ф.538, оп.1, д. 2
4. ГАРК, ф.538, оп.1, д. 10
5. ГАРК, ф.538, оп.1, д. 17
6. ГАРК, ф.538, оп.1, д. 32
7. Непомнящий А. А. И. А. Линниченко: от прославленного в Новороссии профессора до нищеты Таврического университета // Пространство и время. – Москва. – 2014. – № 2. – С. 216–224, ил.

KULTURNÍ TRADICE SLOVANSKÉHO „ÉTHOSU“

M. Sapík

*Doc. PhDr., Ph.D. prorektor,
Academia Rerum Civilium – Vysoká škola
politických a společenských věd Kutná Ho-
ra, Česká Republika*

Summary. The main objective of this paper is to explain the Masaryk's concept of nation, nationalities and cultural traditions of the Slavs. An important element is the factor of education and the need for education for each nation. Masaryk devoted to this topic even before the formation of the independent Czechoslovak state and was aware that the tradition in the works of Hus, Kollar, Palacky can continue in a more modern environment.

Keywords: culture; tradition; nation; nationality; T. G. Masaryk; Czech nation; Slavic nation.

Otázka slovanství je řešena v dílech mnoha autorů. Každý z těchto autorů se snaží podat ucelený pohled na problematiku slovanství a slovanského národa (národů) z vlastního pohledu a s přispěním vlastní zkušenosti. V zásadě jde i o rozdíl z jakého kulturního prostředí ten, či onen autor vychází a na co vlastně navazuje. „Éthos“ v našem kontextu chápeme jako příslušnost k určitému národu ve slovanském národnostním okruhu. „Éthos“ bývá často spojován s vysvětlením původu etiky, jako místo pro spojené prostředí k vzájemnému životu mezi lidmi a jejich hospodářstvím na daném území (lokaci). Signifikantním může být i interpretace kultury a jejího časového zázemí. Kultura jako zcela konkrétní produkt lidské civilizace má dějinnou dimenzi. Ze základního rozdělení kultury na hmotnou a duchovní je evidentní, že může existovat velké množství přístupů k interpretaci kultury a kulturnímu dědictví v rámci každého národa.

Touto specifikou se zabývá v mnohých dílech i T. G. Masaryk, který byl velkým obhájcem slovanského národa, kterému velmi přál i jeho právo na sebeurčení. Tato idea se prakticky realizovala vytvořením systematického a plánovitého postupu, který byl zakončen založením samostatného Československa v roce 1918, které patřilo do celé skupiny tzv. „nástupnických států“.

Masaryk píše: “Problém malého národa je problém národa českého. Jde předně o lásku k vlasti. Zdálo by se, že se o tom nemusí mluvit, že je to všeobecně známo. Ale pravidelně to, o čem se nejvíc mluví, vyžaduje největšího rozboru“ [3, s. 7]. Masaryk v tomto kontextu rozlišuje malé a velké národy. Český národ uvádí jako příklad malého národa, který má vlastní bohatou historii a velmi těžké chvíle, kterými musel projít na cestě za svobodou a sebeurčením. „Když Kollár mluvil o lásce k vlasti, nemyslel na vlast ve smyslu půdy; hledal vlast v národnosti, ne v půdě. Ale když čteme Bezruč, cítíme půdu, cítíme z jeho básní Slezsko. Vezměme si Nerudu, jeho Malostranské povídky. V nich žije Neruda jen Malé straně, jen jejím lidem, a proto jsou tak určité a lidsky krásné. Ale národ, který se vyvíjí, mění své pojmy, a tak i u nás pojem vlasti pojem národa se měnil a rozšiřoval. Uvědomili jsme si, co je obsah pojmu národa“ [3, s. 7]. V Masarykově textu nacházíme další rozlišení pojmů národ a národnost. „Národnost pro něho znamená politiku vnitřní i vnější a starosti hospodářské i sociální. My Čechové však cítíme politicky méně, pro nás je národ osobností mravní“ [3, s. 7]. Mravní aspekt národního cítění je u Masaryka považovaný za výsledek dlouholetého boje, který patří k hlavním výdobytkům moderní společnosti a Slovanů z dějinného pohledu.

Národnost má vliv i z hlediska etického a náboženského. Náboženský vliv je dán tradicí, která patří ke každému společenskému celku na duchovní úrovni vývoje. Z tohoto pohledu je pravoslavné náboženství, které je typické pro slovanství. „A všechny tyto prvky dohromady tvoří národnost, totiž jazyk, území, hospodářské a sociální poměry, literatura básnická, věda, filosofie, mravnost a náboženství“ [3, s. 8]. Společným prvkem těchto principů je stát, ten, který byl viděn jako ideální forma nového uspořádání v důsledku poválečného uspořádání. Národ a národnost spojuje Masaryk se vzdělaností, která je základem a má své kořeny ve starověkém Řecku a v dílech klasiků antického myšlení. „Pojem národnosti se měnil tak, jak se měnily základy vzdělanosti národa. Uvědomění národní znamená vlastně ujasnit si, co je v slovech vlast a národ. Kollár toužil po tom, aby národ český vyvíjel se jazykově a v literatuře; pro Palackého bylo to již málo, ten chtěl, aby národ měl v Rakousku vliv politický“ [3, s. 9]. Vzdělanost určitého národa vždy byla a bude devizou, která se stává nedílnou součástí jeho vývoje a budoucího směřování. Vzdělání je nezbytná nutnost, která se prokázala už v nejstarším období ve vývoji antické kultury a společnosti jako celku.

Dílčím cílem tohoto příspěvku je poukázat i na současnou úroveň a stav občanství v prostředí demokratizace společnosti. Dobrá úroveň předpokládá řešení otázky výchovy k evropskému občanství, která je součástí komplexního vzdělávacího procesu na regionální a národní úrovni. Proces demokratizace společnosti ovlivnil i změnu v interpretaci občanství v rámci evropského prostoru. Důležitým projevem nových podmínek je existence občanské společnosti a její aplikace do praktické úrovně života společnosti. Existují i různé přístupy v interpretaci občanské společnosti z pohledu např. politikologie a

filosofie. Už Sókratés vnímal na základě působení sofistů nutnost vzdělání pro každého občana polis. Vždyť základní lidské dovednosti jako myšlení, mluvení, jednání patří neoddělitelně ke každému jedinci. Člověk se nemá dobrovolně vzdávat těchto dovedností, které patří k nedílné součásti zdatností a ctností jednotlivých občanů. Každé století přináší nový ideál vzdělanosti a rovněž požadavků, které se promítají do nároků společnosti na jedince a jejich životní standardy. V období osvícenství se formuje nový ideál moderny. Tento projekt se stal vzorem humanity a humanitních ideálů v tehdejší době ale i po mnoho dalších století. Vzdělaný člověk, učenec, který zvládá základní gramotnost a dokáže se rozdělit o získané vědomosti s druhými lidmi, diskutuje k politickým, společenským, kulturním ba i lidským otázkám bez rozpaků a plynně používá rodný jazyk. Jako příklad můžeme uvést Francii v období osvícenství, kde se společenským a kulturním jazykem doby stává na dlouhou dobu francouzský jazyk.

V postmoderní době se jednoznačně prosadil anglický jazyk. Zůstane však starou a dobrou devizou, že jazykem vzdělanců je latinský jazyk. „Idea humanitní jeví se v naší době jako idea národnostní. Počíná se to v poslední době u nás pochopovat, že totiž idea humanitní není proti ideji národnostní, nýbrž že právě národnost, stejně jako člověk jednatel, má být a může být humánní, humanitní. Člověckost není abstrakce trůnící někde v říši pomyslů nad skutečnými lidmi – národové, jak Herder řekl, jsou přirozené části člověčenstva. V tom smyslu Kollár a Palacký národnost zakládali na ideji humanitní. Kollár pak, poučen Fichtem, usiloval o vychování a vzdělání národní“ [2, s. 11]. V důsledku humanitních idejí a ideálů doby vzniká v rovině etické nový postoj, který byl podle zakladatelů označen utilitarismus. „Utilitarismus znamená etiku a filosofii užítku, prospěchu. Prospěch, užitek má být cílem všeho jednání. Na otázku, co je prospěch, dostáváme odpověď: slast, blaho, štěstí. Proto utilitarismus je zároveň hédonismem, tj. etikou slasti. Na otázku, jaký prospěch, odpovídají dvojím způsobem. Jedni říkají: Můj prospěch vlastní, a jen můj vlastní prospěch, jest předmětem vši mé touhy. Druzí praví: Nejen prospěch můj, nýbrž prospěch co možná největšího počtu lidí. Klasickou zemí této filosofie jest Anglie, a uvedl ji v úplnou soustavu zejména Bentham. Každý člověk prý přirozeně baží toliko po slasti a vyhýbá se strasti“ [2, s. 34]. Utilitarismus je nedílnou součástí vývoje evropského duchovního dědictví právě s počátky u J. Benthama, J. S. Millera a H. Spencera.

Nejrozšířenější význam, který vyplývá z utilitarismu, zní co nejvíce štěstí, pro co největší množství lidí. Ideály humanitní provázejí lidstvo od jeho počátku a zásadním způsobem se snaží o jeho rychlé oživení. „Mluvíme o ideálu humanitním; přijímám tento ideál. Má pro nás smysl dvojí: Předně: ideál člověckosti, být člověkem. Za druhé: ohled na člověčenstvo v nejširším rozsahu“ [2, s. 57]. Humanita je základním morálním projevem lidstva. Je možné na ni pohlížet několika způsoby. Masaryk se zásadním způsobem obrací k humanitě na základě jejího vymezení z pozice národnostního a rovněž

praktického odrazu v každém národě. Dané téma je pro počátek nového století velmi příznačné.

„Humanitní ideál, hlásaný Dobrovským a Kollárem, náš ideál obrodný má pro nás Čechy hluboký smysl národní a historický – humanitou, plně a opravdově pojatou, navážeme na nejlepší svou dobu v minulosti, humanitou překleneme duchovní a mravní spánek několika století, humanitou kráčet máme v hlavě lidského pokroku. Humanita znamená nám náš národní úkol vypracovaný a odkázaný nám naším Bratrstvím: humanitní ideál je všecek smysl našeho národního života. ... Humanitní ideál vyžaduje, abychom soustavně, všude, ve všem a vždy odpírali zlému, vlastní a cizí nehumanitě společnosti a jejím orgánům osvětovým, církevním, politickým, národním – všem“ [1, s. 171]. Tímto se Masaryk odkazuje na bohatou národní tradici, která má vlastní počátky ve vývoji české státnosti u Přemyslovců. Masaryk rovněž připomíná fakt, že nesmíme zapomínat na Husův odkaz, který musí být neustále v paměti i moderní společnosti a celého českého národa. V daném kontextu se jedná především o odkaz politický, etický, náboženský a hlavně lidský. Neboť lidský rozměr je právě ten nejdůležitější, protože už od středověku platí, že někdo za svůj názor nezaplátí životem a druhý bez pomoci ano.

Velmi zásadní činí Masaryk rozdíl v interpretaci obecném pohledu na mravnost a náboženství. „Především o rozdílu náboženství a mravnosti. Mezi náboženstvím a mravností je rozdíl věčný. Mravnost není náboženstvím a náboženství není mravností. Může být člověk nábožensky velice věřící, oddaný své církvi, svým dogmatům i předpisům, a nebude mravný, ba bude třeba nemravný. Ale náboženství je tolik různých forem, že prostě myslit, jako by ten, kdo má náboženství, proto už měl mravnost, je omyl. Mravnost, to je poměr člověka k člověku. Potřebujeme mravnosti ve svém styku s bližním. Náboženství vzniká z poměru člověka k celému světu, zvláště k bohu. Náboženství má širší okruh než mravnost; v náboženství mravnost je obsažena“ [2, s. 55]. Konstatovaný rozdíl vychází i z tradice, kterou Masaryk vážil a jednoznačně se hlásí ke klasické řecké tradici. I u Platóna, popř. u Aristotela nacházíme striktní vymezení mravnosti a všech etických kategorií, které se podílejí na praktickém životě celé společnosti. Mravnost se v antickém světě vztahuje k vážnosti ctnosti a ctnostnému způsobu života v řeckém prostředí. Ctnosti se člověk může učit a může na ctnosti neustále pracovat ve smyslu sebezdokonalení.

Závěr. S kulturní tradicí je spojena dlouholetá a trnitá cesta slovanského národa, duchovní rozměr a rovněž jednotlivé osudy mnoha lidí, kteří se snažili o zdůraznění práva Slovanů na sebeurčení a vytvoření samostatného státního celku, který byl po řadu desetiletí opomíjen a omezován jinými národy. Masarykovo pojetí národa a národnosti vychází z bohaté tradice českého a slovenského intelektuálního prostředí. Masarykovo přesvědčení o humanitě a potřebě vzdělání se ukazuje i v dnešní době jako signifikantní a rozhodující faktor společenského vývoje.

Bibliografický seznam

1. Masaryk T. G. Česká otázka. Nakladatelství Svoboda. – Praha, 1990.
2. Masaryk T. G. Ideály humanitní. Melantrich. – Praha, 1968.
3. Masaryk T. G. Problém malého národa. Čin. – Praha, 1947.

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ СЛАВЯНСКОГО НАРОДА

**В. П. Свиридова,
А. В. Головина**

*Студенты,
Елецкий государственный университет
имена И. А. Бунина,
г. Елец, Липецкая область, Россия*

Summary. The article presents the historical facts of the origin of the Slavic tribes. It raises the issue of Slavic religion. Also in this paper we describe the culture of ancient Slavs.

Keywords: Slavs; Slavic culture; history of the Slavic people.

Существуют различные теории о происхождении славянского народа. Большинство мнений сходится на том факте, что славяне не были исконными жителями своей земли, так как они постоянно мигрировали.

Первым, кто попытался определить место происхождения первых славян, был Нестор. В своей работе он пришёл к выводу о том, что миграция племён началась с Дуная. Эта теория поддерживалась средневековыми авторами в период XIII–XIV веков, а также долгое время имела популярность среди историков. По данной теории выходили работы, которые фактически подтверждали географические перемещения славянского народа.

Авторы летописей считали, что после всемирного потопа славяне проявляли себя рядом с Иллирией.

Сообщение Джильса Флетчера, английского путешественника и историка, о происхождении славян звучит так: «народ, называемый славянами, получил своё начало в Сармантии и, вследствие побед своих, присвоил себе имя славян, то есть народа славного или знаменитого, от слова слава, которое на языках русском и славянском, означает то же, что и знаменитость или доблесть; но впоследствии, когда он был покорён разными другими народами, итальянцы, жившие с ним в соседстве, дали этому слову другое, противоположное значение, называя склавом всякого слугу или крестьянина» [5].

Культура древних славян была сформирована по трём основным составляющим: лес, степь и река. Лес для славян служил местом добывания пищи, материалов для строительства жилищ, а также прочей утвари, которая была необходима для жизнедеятельности племён. В степи сосредотачивались ресурсы, с помощью которых славяне могли прокормить скот.

Река служила племенам переправой от одних селений к другим, что значительно облегчало жизнь древних славян. К сожалению, о культуре того времени нам известно мало. Но всё-таки есть сохранившиеся памятники культуры, характеризующий жизненный уклад народа, который основывался на патриархальной власти. Основную власть производил совет старейшин, который охватывал два или три поселения.

Затрагивая вопросы религии, нельзя не учесть тот факт, что первые славяне были связаны с природой более плотно, чем последующие племена и народы. Вера славян представляла собой не только поклонение природе и природным явлениям, но и почитание предкам. Природа для славянских племён представала живым существом, а души предков являлись в виде мифических существ, которые вызывали опасность у тех, кто был неосторожен.

Показывая свою преданность, племена возносили дань Богам. Приносили в жертву животных, птиц, плоды, а также были известны случаи о жертвоприношении человека.

У славян было много Богов, но главными из них являлись: Перун – бог грома и молнии, Дива – богиня земли, Лад – бог войны.

В период с VI по X века славяне приняли христианство, поэтому язычество ушло в прошлое. Но некоторые традиции дошли до наших времён и по сей день соблюдаются, так, например, масленица, Иван Купала и другие.

Христианизация повлияла тотальным образом на религию славян. Самый сильный удар пришёлся на прежнюю веру. Искоренялись боги, происходило уничтожение и вместе с тем оскорбление прежних идолов. Дальнейшая судьба веры славян была связана с забвением.

Славяне верили в загробный мир, поэтому во время похорон, в могилу клали все необходимые вещи, которые могли бы пригодиться покойному.

Исторических сведений по теме славянских народов недостаточно для того, чтобы сделать окончательные выводы об их культуре, бытовом укладе, законах и прочих сферах жизнедеятельности. Необходимо более глубоко и тщательно исследовать данную тематику.

Библиографический список

1. Волков В. К. Очерки истории культуры славян – М. : Индрик, 1996. – 491 с.
2. Личман Б. В. Древние авторы о славянах // Происхождение славян в современной отечественной исторической науке. URL: http://his95.narod.ru/lec3_1.htm
3. Ловмянский Г. Религия славян и её упадок / пер. с польского М. В. Ковальковой. – СПб. : Академический проспект, 2003. – 512 с.
4. Санчук Г. Э. Особенности формирования этнического самопознания у полабских славян (VI–X вв.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. – М. : Наука, 1982. – 212 с.
5. Флетчер Д. О государстве русском / пер. М. А. Оболенского. – М., 2002. – 169 с.

ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИТРОПОЛИТА КИПРИАНА ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖСЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

С. И. Язаджиева

*Магистрант,
Сыктывкарский государственный
университет имени Путирима Сорокина,
г. Сыктывкар, Республика Коми, Россия*

Summary. The article discusses the development of cultural ties between the Slavic countries, associated with the name of Metropolitan Cyprian. We describe the spiritual activities of the saint, marked major milestones of his life. An attempt to determine the contribution of the Holy To the development of the Christian culture of Russia.

Keywords: Metropolitan Cyprian; the second South Slavic influence; cultural ties among the Slavs.

XIV век – время, когда балканские страны погружались в турецкое владычество, 1389 год известен трагической битвой на Косовом поле, в 1393 году была захвачена турками и сожжена столица Болгарии Тырново. Эти события стали одной из первопричин движения культурных сил с Балканского полуострова на Русь. Время второго южнославянского влияния принято связывать с именем митрополита Киевского, Русского и Литовского Киприана, который сыграл важную роль в укреплении межславянских культурных связей.

На русской почве продолжал свое существование «золотой век» болгарской литературы. Изобразительное искусство тоже претерпевает изменения – прежде всего оно перестает быть безымянным. Киприан способствовал развитию Новгородской, Строгановской и Московской школ иконописи. С XIV–XV вв. связаны имена известных мастеров иконописи: Феофаном Греком, Даниилом Черным, Андреем Рублевым.

Безусловно, этому культурному явлению способствовало и присутствие болгарина Киприана на первосвятительской кафедре.

Киприан родился в 1330 г. Южный славянин, болгарин, он начал свой путь в Келифаревском монастыре Феодосия Тырновского, где сблизился с Евфимием Тырновским.

В начале 1370 года Киприан в качестве доверенного монаха находился в Константинополе в качестве доверенного монаха патриарха Филофе, принимал активное участие в примирении Греческого патриаршества с Болгарской и Сербской Православными Церквями, а также в упрочении влияния Константинополя на Русскую Православную Церковь. Дружба, возникшая между молодым монахом и Филофеем, вероятно, и сыграла решающую роль в будущей духовной деятельности Киприана. Патриарх Филофей всегда уделял большое внимание Русской Православной Церкви, возлагая на нее большие надежды в деле объединения православных народов. Патриарх стремился содействовать сохранению влияния Русской Пра-

вославленной Церкви на большой территории Великой и Малой Руси и Литвы. Именно Киприан стал специальным посланцем патриарха на русскую землю, главной задачей было примирение князей между собой и с митрополитом. Правильные действия, предпринятые Киприаном, стали препятствовать расширению Римско-католической Церкви на восток, а это привело к ограничению ее влияния в западных русских землях. О Киприане начали говорить как о кандидате на место митрополита Киевского и Московского. В 1375 г. литовские князья в грамоте просят патриарха посвятить Киприана в митрополита Литовского. Рукоположение Киприана 2 декабря 1375 г. в митрополита «Киевского, Русского и Литовского» произошло 2 декабря 1375 г., дал ему право объединить после смерти митрополита Алексея обе части митрополии, став митрополитом Киевским и всея Руси. 6 июня 1376 г. К. прибыл в Киев и оттуда через послов тщетно пытался добиться признания этого своего права от московского князя, Новгорода и Пскова. Летом 1378 г. (митрополит Алексей умер 12 февраля 1378 г.), списавшись с игуменами Сергием Радонежским и Феодором Симоновским, После тщетных попыток признания права объединения обеих частей митрополии, после попыток вступления в свои права наследования вопреки воле князя, Киприан был схвачен около Москвы и выдворен за пределы Великой Руси [4, с. 359].

В 1381 г. Киприан создал Службу митрополиту Петру, написав ее как свою редакцию, составную часть, Жития митрополита Петра.

После изгнания из Москвы Киприан написал короткое письмо, которое, как отметил Л. А. Дмитриев, «отличается наиболее сильным личным чувством, в нем проскальзывает чувство горести и усталости автора от той борьбы, которую ему приходилось вести за митрополичий престол» [5, с. 235].

Киприан послал на Русь письмо, адресатом которого был, вероятно, Феодор Симоновский. В нем он отметил, что отправляется в Царьград, и выражает уверенность в скорой победе над «лживым человеком и льстивым». В константинопольском Студийском монастыре Киприан переписал «Лествицу» Иоанна Синайского.

В феврале 1389 г. патриарх Антоний восстановил Киприана в звании митрополита Киевского и всея Руси.

Именно по инициативе митрополита Киприана в Москву из Владимира перевезли икону Богоматери Владимирской, а позже на месте ее встречи был основан Сретенский монастырь. В 1398 г. по совету Киприана русские князья послали в Византию двадцать тысяч рублей, в ответ на что получили икону «Спас в белоризицах», которую поставили в церкви Благовещения.

Киприан уделял большое внимание подвластным Литве и Польше, старался духовно связать западные и восточные земли митрополии; часто встречался с литовским князем и польским королем, вел с королем Ягайло переговоры об унии православной и римско-католической церквей. Мит-

рополит Киприан в письме патриарху Антонию предлагал созвать общецерковный собор на Руси. В конце XIV столетия власть митрополита распространилась на Молдовлахию и Галицию.

Митрополит Киприан вел активную деятельность по редактированию и исправлению богослужебных книг, что несомненно активизировало духовную жизнь Руси. Из болгарской столицы Тырново он привозил богослужебные книги, способствовал их распространению. Митрополит был усердным переписчиком: он работал над совершенствованием церковного Устава и литургических текстов, переписал Псалтирь, Служебник, Требник. По его мнению, очень важно было уделять большое внимание книжным исправлениям и редактированию, необходимо было внести порядок и единство в язык русской книжности.

В церковной истории значимыми явились грамоты, послания Киприана, произведения, посвященные митрополиту Петру: житие, похвальное слово, канон и служба. Обращение Киприана к жизни святителя Петра было неслучайным: митрополит осознавал себя его преемником, даже считал его своим покровителем. И в жизнеописание митрополита Петра Киприан включает факты из собственной жизни, проводя параллели между своей жизнью и жизнью святителя Петра, что очень редко для средневековой литературной традиции. Кроме того, Киприан был переводчиком: в практику им были введены новые редакции Служебника, Евангелия, Апостола, Триоди, новый устав Богослужения, устав преподобного Саввы Освященного, иерусалимский и другие богослужебные книги - труды митрополита очень важны для церковной культуры. Очевидно, что с его именем связано пополнение библиотек: книги привозились из Константинополя, Афона и славянских земель. Киприан, по свидетельствам летописцев, положил начало Степенной книге, где он описывал деяния русских Соборов, начал летопись, которую не успел закончить [1, дата обращения: 20.04.2015].

Митрополит Киприан вел переписку с Сергием Радонежским и Феодором Симоновским. Известны литературные произведения митрополита Киприана, среди которых послание к игумену Афанасию, поучение к новгородскому духовенству, послание к псковскому духовенству с наставлениями. Изучение этих трудов святителя Киприана играет большую роль в разъяснении несогласий, которые возникли при исправлении книг патриархом Никоном. В конце своей жизни, когда митрополит Киприан уже не мог сам писать, он продиктовал свою известную Прощальную Грамоту.

Киприан был энергичным общественно-политическим деятелем, духовником. Он внес большой вклад в распространение христианской духовной культуры и литературы. Особое значение имеет книжная деятельность митрополита Киприана: именно он был начинателем южнославянских воздействий на письменность. Русская книжность, библиотеки стали увеличиваться за счет переводов; активизировалась монастырская колонизация русского Севера. При святителе развивалось церковное строительство,

украшались храмы на Руси. Важным стало проведение реформы по некоторой унификации русского церковного пения, музыкальной нотации, начался переход летосчисления с «мартовского» года на «сентябрьский» [8, с. 18].

Современники оценивали влияние Киприана на жизнь Руси так: «Его же благословением земля Русская мир глубокий приемлет», а «исправлением книжным и учением его светляется паче солнечных зарей и напаяется яко от источника приснотекуща» [1].

Митрополит Киприан внес большой культурно-исторический вклад в развитие духовной жизни Руси. Так, в 2006 г. в Успенском соборе (по случаю 600-летия преставления святителя), Киприан был отмечен как церковный объединитель русских земель. Изучение его деятельности важно для диалога славянских народов.

Библиографический список

1. Артемьев А. Святитель Киприан, митрополит Киевский и всея Руси // URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/060920121617.htm> (дата обращения: 20.04.2015).
2. Борисов Н. С. Церковные деятели средневековой Руси XIII-XVII вв. – М. : МГУ, 1988.
3. Гальченко М. Г. О времени появления и характере распространения ряда графико-орфографических признаков второго южнославянского влияния в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка : сб. статей. – М., 2000. – С. 123–152.
4. Глубоковский Н. Н. Св. Киприан, митрополит всея Руси (1374–1406), как писатель // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. – 1892. – Февраль. – С. 358–424.
5. Дмитриев Л. А. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы: К истории русско-болгарских литературных связей XIV–XV вв. // ТОДРЛ.– 1963.–Т. 19.– С. 215–254.
6. Дончева-Панайотова, Д. Митрополит Киприан. Старобългарски и староруски книжовник. – София, 1981.
7. Кучкин В. А. Сказание о смерти митрополита Петра. – ТОДРЛ, 1962, т. 18, – С. 59–79.
8. Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы.– Л., 1978.

II. POLITICAL, LEGAL AND ECONOMIC BASIS OF COOPERATION BETWEEN SLAVIC PEOPLES

ПОМОЩЬ ВЫНУЖДЕННЫМ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМ ИЗ УКРАИНЫ В РОССИЮ

К. А. Бейсенова,
Э. С. Шумкова,
Т. В. Асауляк,
К. С. Дмитришина

*Студенты,
Шадринский государственный
педагогический институт,
г. Шадринск, Курганская область, Россия*

Summary. This article addresses the issue of very relevant today: the problem of resettlement of refugees from Ukraine to the Russian Federation. Disclosed are the main goals and objectives of the state in the distribution of migrants and provide them with the necessary conditions and benefits for life.

Keywords: forced migrants; The Federal Migration Service; Russia; Ukraine.

Вынужденная миграция является одной из самых трудноразрешимых проблем, с которыми столкнулся мир на рубеже тысячелетий. Последние события на Украине и в Сирии, происходящие в наше время, а также огромный поток беженцев в Европе заставляют задуматься о совершенствовании методов работы миграционных служб. Очень сложной задачей является формирование прочного правового фундамента в сфере разрешения проблем беженцев и вынужденных переселенцев. При этом не следует забывать и о формировании толерантного отношения к вынужденным переселенцам у граждан страны, принимающей беженцев, уделяя внимание данному направлению воспитательной работы и расширяя функции управления образовательным процессом [3] с учётом данной потребности.

Проблема вынужденной миграции весьма актуальна, так как зависит и от мировой ситуации в целом. Большое внимание следует уделять миграционному законодательству [1], миграционной политике и самим мигрантам, доказательством чего является «Программа переселения из Украины в Россию» (2014).

В настоящее время существует уже огромное количество фантастических фильмов о конце света и вымирании человеческого рода, где люди в поисках спасения и попыток обрести новый дом улетают на другие планеты. Однако не нужно ничего придумывать, стоит лишь сравнить ситуацию наших дней на Украине. Огромный поток жителей эмигрирует, как с востока, так и с запада этой страны: одна часть населения в Россию, а другая – в Европу. С начала боевых действий на Донбассе Федеральной иммиграционной службой России зафиксировано резкое увеличение количества

беженцев из Украины в Российскую Федерацию. Нестабильная политическая ситуация и разрушенная экономика заставляют людей покидать родные дома.

Согласно федеральной программе, получив статус беженца или временное убежище, гражданин Украины может законно трудиться и проживать на территории РФ. Каждый переселенец может также получить бесплатную медицинскую помощь. Украинцам предоставляется возможность получить гражданство РФ. И самым простым путем получения гражданства украинцем остается участие в программе переселения соотечественников. В настоящее время уже многие приграничные регионы приняли участие в данной программе.

Города федерального значения и их области не участвуют в программе, более того, временное убежище там больше не дают – исчерпаны квоты. Украинские беженцы, которые находятся на территории РФ, могут принять участие в программе переселения только предварительно получив временное убежище либо оформив разрешение на временное проживание. Оформив временное убежище в одном регионе, беженцы могут принять участие в программе переселения в другом. Это сделано ввиду того, что не все регионы, принимающие беженцев, участвуют в программе переселения.

Несмотря на то, что программа по переселению вынужденных эмигрантов совершенствуется, все же присутствуют значительные проблемы, которые нельзя оставлять без внимания. Одной из таких проблем является недовольство некоторых категории граждан РФ приездом вынужденных переселенцев. Они считают, что программа помощи беженцам улучшает жизнь приехавших, за счёт ухудшения социально-экономического положения граждан, уже проживающих в данной местности. Так, часто можно услышать, что приехавшие занимают их рабочие места, а в связи с экономическим кризисом в стране и без того прогнозируется рост безработицы [2].

Такие противоречие, несомненно, снижают эффективность помощи вынужденным переселенцам, полноценной помощи необходимо понимание и участие местного населения, а также взаимопонимание со стороны переселенцев.

Итак, в РФ существуют ключевые условия для реализации данного проекта. Государство пытается преодолеть противоречия, возникающие между местным населением и вынужденными переселенцами, чтобы обеспечить лучшую жизнь для каждого. Однако государственная помощь – лишь часть большой работы, в которой важную роль играет воспитание толерантного отношения к вынужденным переселенцам.

Библиографический список

1. Закон РФ от 19 февраля 1993 г. N 4530-I «О вынужденных переселенцах» // Гарант Плюс. – URL: http://base.garant.ru/10105693/#block_12 (дата обращения 15.09.2015).

2. Каблов А. Н. Беженцы и вынужденные переселенцы в современной России (Международно-правовые, политические, социальные аспекты проблемы и технологии ее разрешения). – URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/bezhency-i-vynuzhdennye-pereselency-v-sovremennoj-rossii.html> (15.10.2015).
3. Сидоров С. В. Усиление роли дополнительных функций в школьном инновационном менеджменте // Социосфера. – 2010. – № 3. – С. 55–60.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЕДИНОМ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

М. В. Обухова,
Ю. Н. Галиева

*Студенты,
Шадринский государственный
педагогический институт,
г. Шадринск, Курганская область, Россия*

Summary. Preservation of cultural heritage both in Russia and other countries is very important. And this question is quite problematic and discussed. This article describes the main challenges to improve the methods of preserving the culture of the peoples of the means of legal grounds.

Keywords: culture of the peoples of Russia; preservation of the culture of the peoples; protection of cultural heritage.

Нормативно-правовая база российского образования включает в себя два взаимосвязанных аспекта, отражающих многонациональный и мультикультурный характер населения нашей страны. В ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (2012) [4] провозглашается принцип единство образовательного пространства на территории РФ, защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций всех народов России в условиях многонационального государства». Реализация этого принципа прослеживается практически на всех уровнях правового регулирования отношений в системе образования: на уровнях образовательных стандартов, целевых программ развития образования и т. д. [2].

Особый интерес к исследованию сохранения культуры народов обусловлен тем, что культура народов является предметом повышенного общественного интереса. Зарождение такого термина, как «вандализм» произошло еще в далеком 455 году, когда восточногерманское племя вандалов разграбило Рим. С истечением времени данный термин не потерял свою актуальность, приобретая всё большие масштабы. В настоящее время существует множество проблем защиты исторических объектов.

На сегодняшний день существует множество положений, нормативных актов, законов и подзаконных актов, касающихся защиты и охраны культурных ценностей, но Правительство РФ до сих пор продолжает раз-

рабатывать различные проекты по охране, а также редактируя и усовершенствуя уже действующие правовые акты [1; 3].

Население России – народ многих национальностей, поэтому памятники культуры несут в себе уникальную ценность и составляют часть всемирного культурного наследия. Несмотря на изданные ФЗ, направленные на сохранение культуры народов РФ, ее разрушение и уничтожение продолжается. Из последней сводки Яндекс.Новостей: «Памятник Александру Невскому в Харькове обезоружили» (18.05.2015), «В Ростовской области подростки разгромили 20 могил» (14.05.2015), «В Липецке бюст Сталина облили розовой краской» (08.05.2015) [5]. Стоит отметить, что правовая практика по данной проблеме не стоит на месте, изучаются и решаются вопросы о разработке нового федерального закона, что обсуждалось в 2014 году на круглом столе « О совершенствовании законодательства РФ в сфере сохранения культурного наследия народов России».

Законы, которые будут издаваться в будущем, должны способствовать развитию культуры в каждом отдельном районе и этнической группе. Должны создаваться музеи, как открытого, так и закрытого типов. И какие-то элементы культуры, присутствующие в музеях могут быть интерпретированы и реконструированы. Так же нужно создавать гарантии, чтобы как отдельные граждане, так и народы могли свободно осуществлять культурную деятельность.

В нашей стране существуют гарантии по сохранности исторических памятников. Очень важно защищать памятники культуры, чем и занимаются государственные органы РФ. Государственные органы должны регулировать культурную деятельность в следующем: сконцентрировать своё внимание на изучение и реставрирование исторических памятников, задействовать телевидение и прессу для ознакомления с историческими ценностями, обеспечить заинтересованных лиц в оборудовании для освоения культурных ценностей.

Существуют отдельные территории, деревни, посёлки и малочисленные поселения, в которых ещё сохранились исторические объекты. Поэтому нужно сделать эти территории особо охраняемыми и устраивать туда экскурсии для ознакомления с культурой различных этнических групп.

Библиографический список

1. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1; ред. от 21.07.2014, с изм. от 01.12.2014). – URL: <http://base.garant.ru/104540/> (дата обращения 19.10.2015).
2. Сидоров С. В. Усиление роли дополнительных функций в школьном инновационном менеджменте // Социосфера. – 2010. – № 3. – С. 55–60.
3. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=182910> (дата обращения 24.10.2015).

4. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об образовании в Российской Федерации». – URL: http://www.consultant.ru/cons/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 10.11.2015).
5. Яндекс.Новости. – URL: <https://news.yandex.ru/> (дата обращения 20.05.2015).

III. RELIGION AND UNRELIGIOUS CULTURE OF SLAVIC COUNTRIES IN MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ПОСТСОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Б. А. Дорошин

*Кандидат исторических наук, доцент,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия*

Summary. The article describes a consistency between some of the tendencies of socio-cultural development of postmodern society and some features of Russian Orthodox culture. In this context, it noted the importance of features of Russian Orthodox culture related to the native beliefs of Eastern Slavs. It substantiates the idea of the relevance of Russian Orthodox culture peculiar vision of the universal conditions of informatization and globalization, as well as the establishment of a holistic paradigm in the field of knowledge.

Keywords: Russian Orthodox culture; postmodernity; universal vision; holism; anthropocosmism.

Религиозная культура того или иного народа, основанная на какой-либо мировой религии, определяется не только данной религией, но и тем субстратом или даже базисом, который образует комплекс устойчивых этнокультурных особенностей того общества, в которое были интегрированы его предки, и которое восприняло, или, тем более, произвело в своих рамках данную религию и сформировало на её основе соответствующую религиозную культуру. Для русской православной культуры исторически первым, фундаментальным и осевым компонентом такого субстрата выступает этнокультурное своеобразие древнерусской народности и объединявшихся в неё восточнославянских племён.

Принимая в расчёт сравнительно мирный характер распространения христианства в восточнославянских землях, обусловленный, во-первых, относительной гуманностью и открытостью новому аутентичной духовной культуры местного населения, а во-вторых, большой терпимостью зарождавшегося в этом процессе русского православия к языческим верованиям [10, с. 125], немецкий философ В. Шубарт писал о том, что «русские были христианами до того, как приняли христианство», что они были «христианами без Христа» [12, с. 169]. Известная преемственность русской православной культуры не только от восточнохристианской, но и от восточно-

славянской нативной традиций детерминировала некоторые из её наиболее существенных особенностей.

Одну из них определяет восходящее от первобытного ментального феномена мистической сопричастности через позднейшие формы природо-ориентированной религиозности к мистико-созерцательному аспекту православия своеобразное «универсальное видение» [12, с. 107], выражающее способность к цельному созерцанию, основанную на чувстве, что ничто не следует рассматривать в отдельности [12, с. 23]. Именно это видение лежит в основе столь характерных для русской религиозной философии идеи всеединства и России как Софии – Премудрости Божьей [8, с. 62].

Данная особенность православной культуры и ментальности русских согласуется с некоторыми тенденциями социокультурного развития постсовременного общества. В частности, универсальное видение может быть наиболее эффективным при выработке не только масштабных, стратегических, но и частных решений и программ дальнейшего развития в различных сферах жизни России в условиях формирования общемирового информационного пространства и глобализации вообще, т. к. именно такое видение способствует учёту максимума сопряжённых с этими процессами условий и факторов, оказывающих или способных оказывать влияние на те или иные локальные системы и процессы.

Наиболее значимым универсальное видение представляется в свете важнейших тенденций развития сферы познания на её постсовременном этапе, в частности, для постнеклассической науки с характерным для неё междисциплинарным синтезом и для постмодернистской философии с утверждаемыми ею мировоззренческими ориентирами на вероятностный детерминизм, глобальный полицентризм, всеобъемлющий по своему характеру плюрализм, коэволюцию природы и общества и т. п. [5, с. 685].

Различные пласты и течения в общем ходе социокультурного развития общества зачастую коррелируют и пересекаются друг с другом. И если истоки постмодернизма как переходящего из позднего модерна в постмодерн стиля художественного, философского и научного творчества выявляются в России уже в серебряном веке [3], то близкие к постмодерну тенденции соотношения иррационально-нуминозного и рационально-прагматического в сфере познания обнаруживаются примерно в то же время. Они проявились в предвосхитившей сближение постсовременной науки с другими областями духовной подсистемы общества археомодерной специфике российской модернизации первых десятилетий XX в., когда научные и технические новации воспринимались, продуцировались, трансформировались и транслировались людьми, сформировавшимися в атмосфере традиционной, по большей части – православной культуры, среди которых в числе специалистов по точным наукам, встречались порой настоящие мистики. Наиболее ярким примером подобного совмещения может служить П. А. Флоренский – глубокий религиозный мыслитель и

одновременно ведущий электротехник, универсальность личности которого однажды выразилась символически, когда на одном из советских электротехнических съездов он появился в монашеской рясе [12, с. 108].

Неразрывно связанный в своих истоках и классических образцах с православной культурой традиционный для России тип образованности в оптимуме предполагает своим носителем личность, обладающую знаниями в областях, лежащих далеко друг от друга, предрасположенную во всем усматривать внутреннюю связь вещей, кажущихся не связанными. Этим объясняется предрасположенность отечественной социально-гуманитарной мысли к тому подходу, с точки зрения которого теология и антропология, религиозная философия и историческая наука не противоречат друг другу, а рассматривают с различных сторон один и тот же предмет [12, с. 108]. В связи с этим следует отметить некоторое сходство постмодернистского и традиционного, основанного на религиозном мировоззрении, подходов к пониманию общественно-исторического развития. Модернистскому стремлению планировать историю и сам мир, заключая его в картину мира, постмодернизм противопоставляет принцип игры, которая предполагает жесткое подчинение первичному, метафизическому, не человеком установленному правилу, незапрограммированность и непредсказуемость событий. Иными словами, постмодерн реактуализировал два традиционных постулата, нивелировавшихся модерном: 1) о метафизическом, надличностном характере Правила (структуры, институции, службы, мифа, ритуала, права, слова и т. д.); 2) об онтологичности (а если по православному — Богочеловечности) истории [3].

Православная культура России фиксирует характерное для русской ментальности ощущение близости человеческого и божественного измерений бытия не только в определяемых ею представлениях об истории, но и в склонности типичных носителей данной культуры полагаться на сверхчувственную силу, организующую собой изнутри всю земную жизнь. На «живое вселенское чувство всеобщности и успокаивающих взаимосвязей в мире» [12, с. 84]. Такая антропокосмическая сопричастность человека всему сущему в условиях постсовременности получает новые интерпретации и дальнейшее развитие в рамках холистической парадигмы. В области трансперсональной психологии она может быть соотнесена с предполагаемой С. Грофом как условие наивысшего личностного роста интеграцией хилотропического и холотропического модусов сознания, дающей человеку возможность эмоционально и духовно обогатить, наполнить новыми положительными смыслами свою обыденную жизнь, испытывая чувство полноты бытия при наличии даже минимума необходимых благ [6, с. 431–433]. Последнее, с одной стороны, отвечает требованиям религиозной этики с её приоритетом духовности, а с другой стороны, является благоприятным фактором для востребованных в условиях многих постсовременных обществ противодействия консюмеризму, преступности, социальной по-

ляризации, напряжённости и конфликтам, трансформации всего комплекса социально-экономических отношений на принципах отказа от сверхпроизводства недолговечных малокачественных изделий в пользу создания высококачественной экологичной продукции с длительным сроком эксплуатации; углубления конвергенции рыночных и социалистических принципов; перехода к аграрно-информационному обществу.

Постсовременное общество, переживая в силу проистекающей из модерна инерции рационализацию, секуляризацию и десакрализацию, достигло в этих процессах тех рубежей, на которых начинается их трансформация в им противоположные или же их замещение, обращение вспять таковыми как проявлениями вызванной ими реакции. Это обеспечивает благоприятную конъюнктуру для количественного роста и качественного развития всякой религиозной культуры, в т. ч. и русской православной.

Призванная обеспечить рационализацию демифологизация сопровождается созданием новых мифов – сциентистских, политических, корпоративных и потребительских.

Усиливавшееся до конца XX в. Преобладание светского над религиозным столкнулось с масштабным противодействием в форме десекуляризации, обусловленной возрастанием сложности и кризисного характера общественной жизни, подталкивающим к поиску источников стабильности, психологической устойчивости и проверенных временем ценностных ориентаций.

Священное, перестав быть таковым для масс в традиционно институализированных формах, стало исподволь пропитывать собой мир обыденных явлений. Ещё в 1957 г. В своих «Мифологиях» Ролан Барт представлял повседневную жизнь как полную таинственных знаков и символов, чудесных инкарнаций, сакрализаций и повторений. Позднее Жан Бодрийар писал о литургии объектов и праздничной феерии супермаркетов. Упоминания каких-либо сакральных качеств в постсовременном мире чаще всего звучат в рекламе тех или иных предметов массового потребления: «Волшебство ночи», «Черная магия», «Волшебная вода» (наименования мазей и духов); «абсолютно прекрасные, абсолютно подлинные, абсолютно добрые» (из рекламного слогана марки сигарет). Исследователи религии и сакрального отмечают, что в момент умирания аура религиозного становится особенно сильной, что сегодня нет определенных объектов концентрации священного, но всё мерцает его одинаково таинственным и неуловимым светом, и возможно, сильнее других мерцают вещи наиболее обыденные и даже вышедшие из «круга человеческой полезности» [4, с. 9, 12]. Исходя из этого, можно констатировать, что в определённом смысле происходит сакрализация бытия, подобная той, что имела место в архаических обществах.

Характерной чертой коренящихся в глубинах первобытной эпохи представлений о сакральности бытия является принцип недуальности материи и духа. Аналогия этой недуальности, проявлявшейся, в частности, в

примитивных фетишистских верованиях, обнаруживается в постсовременном мире не только в феномене товарного фетишизма, но и в постнеклассических научно-философских воззрениях на проблему соотношения материи и духа. Между ними уже не производится чёткого и однозначного разграничения.

Лишённая в результате исследований микромира таких характеристик, как непроницаемость и крепость, фиксированного пространства и времени, реальности, познаваемой в себе, материя всё чаще рассматривается как поток, энергия или материя-язык и меж-действие. С другой стороны, Распространение электричества предопределило сближение духа с материей, особенно под воздействием осмысления неразрывной связи данного вида энергии с информацией и экономией знака, развеществлением образов и текстов в виртуальной среде. С точки зрения христианской теологии подобное сближение материального и духовного напоминает Преображение, через которое было явлено единство человеческой и божественной природы второго лица Троицы [4, с. 55]. Эти две природы соединены «в одном и том же Христе неслиянно, непревращенно, нераздельно, неразлучимо, при этом разница природ не исчезает, а еще более сохраняется особенность каждой природы, и обе сходятся в одно Лицо» [12, с. 61]. Это подразумевает, что вечный Бог и вечный человек (Адам) родственны по сути. Изначально присущая им схожесть и согласованность друг с другом получили своё воплощение во Христе как одно органичное личностное единство [12, с. 61].

Восходя к антропокосмической мифологеме первоначального человека, выступающего образцом для мироздания и человека как эмпирического существа (Адам Кадмон в иудаизме, Пуруша и Гайомарт в индоиранской традиции) [1, с. 43] эта идея, являясь отражением «врожденной гармонии в русской душе, глубинным выражением ее вселенского чувства», всегда имела большое значение в русском православии [12, с. 61].

Таким образом, русское православие и основанная на нём культура, акцентируя богочеловечность Христа, воспринимаемую как «сердце христианства» и символическое обозначение сокровенной связи между небесным и земным, альтернативны начавшейся с разделения «Бога и мира, религии и культуры на два враждующих лагеря» [12, с. 60–61] протестантской в своей духовной основе новоевропейской культуре, соответствующей эпохе модерна. В данном аспекте они оказываются более актуальными в постсекулярном мире постмодерна, согласуясь в той или иной мере с присущими ему:

- 1) распространением основанных на принципе недвойственности духовных традиций и связанных с ними систем прикладного знания;
- 2) научно-философскими идеями, категориями и течениями, отражающими интенцию на разрушение жесткого противостояния субъекта и объекта такими, как абинаризм, антропокосмизм; реалистическая философия;

3) тенденциями и особенностями протекания ряда процессов в различных сферах жизнедеятельности постсовременных обществ.

К последним, в свою очередь, можно отнести следующие.

– Взаимодействие человека со сложными исторически развивающимися синергетическими системами: объектами современных биотехнологий, в первую очередь генной инженерии, медико-биологическими объектами, крупными экосистемами и биосферой в целом, человеко-машинными системами, включая системы искусственного интеллекта, социальными объектами и т. д., в качестве их компонента.

– Формирование широкого спектра направлений научно-практической деятельности, прикладных наук, наукоёмких технологий.

– Повышение значения экономических и социально-политических факторов и целей в научной деятельности; междисциплинарный синтез естественных («наук о природе», знания о бытии) и гуманитарных («наук о духе», знания о сознании (и мышлении человека) и сознательном бытии) наук; антропологизация науки, проявляющаяся в утверждении системного подхода, идей глобального эволюционизма, синхроничности, антропного принципа и т. д.

– Интеграция части процессов человеческого мышления в инфокоммуникационную среду, обусловленное её возможностями их развитие и дополнение различными практическими аспектами, что концептуально обобщается как формирование информационного общества, «общества знания», виртуализации общества [7, с. 185].

Одним из проявлений сходства социокультурной реальности постмодерна и православной культуры России является отношение к нормативной подсистеме общества. Принято считать, что в рамках постмодернистского дискурса подвергаются деконструкции все ценностные оппозиции, налагается запрет на однозначное и четкое разграничение смысла и бессмыслицы, добра и зла, красоты и безобразия. В связи с этим нормативность оценивается исключительно в отрицательном контексте как проявление тоталитарно-репрессивной культурной установки, которая должна быть преодолена во имя человека в его эмпирически конкретной данности [9]. К фактическим проявлениям смягчения репрессивности, обусловленной влиянием социальных норм, относится происходящая в процессе информатизации постсовременного общества интернализация контроля, т. е. распространение самоконтроля на сферы, ранее репрессивные [2, с. 16].

В качестве исторического прецедента постсовременной антинормативности следует обратить внимание на приоритет внутреннего нравственного чувства над внешними нормами в христианстве. Как известно, библейские 10 заповедей, которые представляют собой «классическое» выражение нормативной этической системы, были даны Богом падшему человечеству. Если бы не помрачение вследствие грехопадения человеческой совести, которая в христианской традиции рассматривается как голос

Божий в душе человека, то считалось бы достаточным лишь этого внутреннего нравственного ориентира. Поскольку же конечной целью является преодоление последствий грехопадения, преображение человеческой природы, когда следование по пути добра становится естественным, можно говорить о том, что для православия нормативность есть нечто вынужденное, как необходимая ступень на пути к свободе [9]. В русской православной культуре данные мотивы были осмыслены в рамках сочетающей национально-государственническую точку зрения с универсализмом выводов интерпретацией соотношения ветхозаветных и новозаветных принципов в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Иллариона (XI в.), некоторые исследователи которого приходили к выводу о том, что на воззрения этого древнерусского мыслителя повлиял антиномизм, характерный для апостола Павла [11, с. 89].

Таким образом, ряд тенденций социокультурного развития постсовременного общества согласуется с некоторыми особенностями русской православной культуры, что предполагает возможность, с одной стороны, достаточно органичного по своему характеру привнесения инноваций, соответствующих условиям постсовременности, в социокультурные практики российского общества, а с другой стороны – эффективную адаптацию, а также повышение влияния и значимости в информатизирующемся и глобализирующемся постсовременном мире отечественной культуры с её православными духовными основаниями.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Адам Кадмон. // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Сов. энциклопедия, 1991. – Т. 1. – С. 43–44.
2. Антипов М. А., Дорошин Б. А. Сетевое общество как феномен постсовременности // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Периодическое научное издание. – Пенза : Изд-во Пенз. гос. технол. акад., 2012. – Выпуск № 03 (07). – С. 11–18. Серия: социально-гуманитарные науки.
3. Бражников И., Бражникова Я. Православие и постмодерн иллюзии и перспективы. ПРАВАЯ.RU. URL: <http://pravaya.ru/look/10436> (дата обращения: 02.11.2015).
4. Горичева Т. М. Православие и постмодернизм. : Издательство Ленинградского университета, 1991. — 64 с.
5. Грицанов А. А. «Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык» – книга И. С. Скоропановой // Постмодернизм. Энциклопедия.– Минск. : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 685–692.
6. Гроф С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / С. Гроф; пер. с англ. А. Андрианова, Л. Земской, Е. Смирновой под общ. ред. А. Дегтярёва. – М. : ООО «Издательство АСТ» и др., 2001. – 504 с
7. Дорошин Б. А. Диалектическая триада как алгоритм истории: архаические корни и актуальное значение классических периодизаций // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Периодическое научное издание. – Пенза : Изд-во Пенз. гос. технол. ун-та., 2013. – № 11(15). – Т. 1. – С. 181–188. Серия: социально-гуманитарные науки.

8. Дугин А. Г. Логос и мифос. Социология глубин. – М. : Академический Проект; Трикста, 2010. – 364 с.
9. Здор А. В. Православная духовная традиция и культура постмодернизма. – Anthropology. Web-кафедра философской антропологии. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/zdor-av/pravoslavnaia-duhovnaia-tradiciia-i-kultura-postmodernizma> (дата обращения: 02.10.2015).
10. Кузьмин А. Г. История России с древнейших времен до 1618 г.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 кн. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – Кн. 1. – 448 с.
11. Федотов Г. П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 10: Русская религиозность. Часть I. Христианство Киевской Руси. X-XIII вв. / Примеч. С. С. Бычков. – М. : Мартис, 2001. – 382 с
12. Шубарт В. Европа и душа Востока. – М. : «Русская идея», 2000. – 443 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКИХ ФИЛИАЛОВ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Л. Н. Харченко

*Доктор исторических наук, профессор,
Ростовский государственный
университет путей сообщения,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Summary. This paper deals with the history of the Siberian branch of the Imperial Orthodox Palestine Society and some aspects of their activity. Outlined the main objectives of their operation and ways to implement them. The conclusions about their role in the cultural history of Russia in the late XIX – early XX centuries.

Keywords: Russian Orthodox Church; the Imperial Orthodox Palestine Society; pilgrimage; The Holy Land; the religious factor; the Irkutsk diocese; Yenisei diocese; the Diocese of Tobolsk.

Возникновение и расцвет в России Императорского православного Палестинского общества (ИППО) относится к 1880–1890-м гг. – времени правления Александра III, когда общее консервативное направление во внутренней политике актуализировало религиозный фактор. При этом идеологами его создания выступили не представители духовенства, а высшая знать. Мысль о его создании впервые в 1870-е гг. высказал В. Н. Хитрово после паломничества в Иерусалим. Он предложил учредить эту общественную организацию с целью изучения Святой земли, осуществления издательской работы на основе ее исторического, археологического и филологического наследия, так же развития идеи паломничества в России и материальной поддержки всех желающих приобщиться к святыням. Эту идею поддержали граф Е. В. Путятин и великий князь Константин Николаевич, совершившие паломничество, но целенаправленный интерес к созда-

нию общества в императорской семье возник после трагической гибели Александра II [16, с. 17].

Русская православная церковь (РПЦ) поддержала российскую знать, возглавила, а затем курировала деятельность ИППО. Заинтересованность первых лиц в государстве в основании и успешной деятельности Общества привлекла в его ряды представителей высшего сословия, крупной интеллигенции и др. Таким образом, с самого начала его деятельности сложилась ситуация заданности, когда приглашение к добровольному членству в Обществе воспринималось как обязанность или долг чести. Аналогичные обстоятельства уже существовали в отечественной истории в эпоху Александра I и были связаны с деятельностью Российского библейского общества [15, с. 121–123].

Деятельность ИППО в России началась с 1882 г., в ходе которой большое внимание уделялось идее паломничества и оказанию посильной помощи в ее осуществлении. Русская духовная миссия в Иерусалиме, учрежденная Синодом в 1847 г., стала опорным пунктом в этом проекте. Архимандрит Антоний (Капустин) – ее начальник около 30 лет (1865–1894) – внес большой вклад и в развитие миссии, и в работу Общества. ИППО, как и все организации подобного типа, планировало научную и просветительскую работу, куда входила не только популяризация паломничества в Святую землю в России, но и учреждение школ для арабских детей в Палестине. Такие мероприятия стали частью внешнеполитических планов правительства и рассматривались как один из способов распространения российского влияния на Востоке. Для основания и поддержания православных учебных заведений в Палестине выделялись значительные средства. К 1912 г. там действовала 101 школа, где обучались 10 594 учеников [16, с. 19].

Программные установки ИППО последовательно реализовывались. В разные годы с ним сотрудничали ученые, литераторы, краеведы. Регулярно издавался «Православный Палестинский сборник», публиковавший итоги исследований и рассказы паломников об их путешествиях. Среди его авторов встречались и имена уроженцев Западной Сибири. Работы Х. Ф. Лопарева, например, неоднократно там публиковались [4, с. 327–359]. Идею паломничества пропагандировала и поддерживала периодическая печать, делая ее популярной. Для того чтобы паломничество стало доступным для всех социальных слоев, с 10 февраля 1883 г. ИППО учредило паломнические книжки, действовавшие десять лет. Они предоставляли возможность 35 %-ного льготного проезда по железной дороге в 3-м классе. Владельцы книжек так же получали дополнительные удобства в путешествии, как-то: возможность надежно сохранить свои средства в дороге; находясь в Палестине, бесплатно проживать на территории русской миссии 1–2 недели [16, с. 18].

Паломничество существовало и до учреждения ИППО, но широкое распространение получило только с его открытием. Анализ числа паломников по годам показывает, что его рост был постоянным, хотя, в силу обстоятельств, не всегда стабильным. Так, до открытия Общества средний прирост посетивших Палестину за десять лет колебался от 500 до 700 человек. С началом его деятельности в 1880–1895 г. число паломников постоянно увеличивалось: вначале на 664 человека, затем на 1 144 и, наконец, на 1 035. Но своего апогея оно достигло в конце XIX в., когда за три года возросло на 1 276 человек.

Причем анализ социального состава паломников позволяет утверждать, что большинство составляли выходцы из низших социальных слоев, преимущественно крестьяне. И это не случайно, т.к. именно крестьянская среда всегда отличалась патриархальностью жизненного уклада и умением хранить традиции. Значительная часть верующих предпринимала паломничество в Великий пост и Пасху [5, с. 43–44] и др.

Средства ИППО составляли добровольные пожертвования, собиравшиеся по всей стране, не оставались в стороне и сибирские епархии [8, с. 2]. Великий князь Сергей Александрович, возглавлявший Общество, своим рескриптом благодарил епархиальные комитеты, активно участвовавшие в них [13, с. 2]. Но были и курьезы в виде «недозволенных сборов», запрещенных специальным постановлением [7, с. 1–2].

Почти одновременно с учреждением ИППО в столице стали возникать и его филиалы в Сибири. Ранее других – в 1882 г., практически в год основания самого Общества, был создан Иркутский комитет ИППО [7, с. 2]. К 1897 г. филиалы общества уже существовали в 28 российских губерниях, а к 1914 г. – более чем в 50. В конце 1890-х гг., получения рескрипта великого князя Сергея Александровича сформировалась основная масса сибирских филиалов Общества [12, с. 2].

Руководящий состав сибирских комитетов ИППО и программы деятельности были типичными для всех епархий. Они, являясь филиалами столичного Общества, в основных чертах повторяли его структуру. Во главе филиала всегда стоял местный архиерей, его заместителем был губернатор, канцелярские и делопроизводственные функции выполняли преподаватели чиновничества, либо (и чаще всего) местных учебных заведений духовных или светских. Такая представительность задавала тон и членству в комитетах Общества. Вступление в его ряды являлось добровольным, но немногочисленное местное чиновничество и интеллигенция считали своим долгом стать членами ИППО. Все члены Общества подразделялись на три категории: почетные, действительные и члены-сотрудники. Первые избирались за особые заслуги: научные труды либо значительные пожертвования. Действительные члены и члены-сотрудники обязаны были вносить пожертвования в пользу Общества 25 руб. и 10 руб. соответственно. Руководящие и программные документы, на основе кото-

рых функционировали филиалы, разрабатывались преподавателями духовных семинарий либо епархиального духовенства [14, с. 458].

Понимая важность учреждавшегося предприятия, местная администрация уделяла большое внимание освещению его деятельности в крупных периодических изданиях, осуществляя, своеобразную рекламную кампанию с целью формирования общественного мнения в желаемом направлении [2, с. 155–157]. В последствии местная пресса проявляла внимание к отражению деятельности Общества. Ее оперативность в каждом конкретном случае зависела от заинтересованности местной администрации, и духовной, и светской. В Tobольской епархии, например, по распоряжению архиепископа Агафангела (Преображенского) достойно общественной гласности придавалась вся информация, имевшая относившаяся к основным сторонам его работы, как-то: объявления, отчеты, материалы для чтений о Святой земле и т.п.

Просветительные функции всех сибирских комитетов ИППО состояли в популяризации идеи паломничества. В качестве механизма их осуществления выступали различного рода чтения, публичные лекции и другие массовые мероприятия. Комитет Tobольского филиала ИППО издавал и рассылал по епархии брошюры для бесплатного распространения и использования при организации и проведении чтений. Подобная литература регулярно поступала и из столицы. Так, в 1901–1902 гг. из Петербурга для бесплатной раздачи поступило 4 тыс. брошюр, 10 тыс. «Палестинских листков», 3 тыс. видов Святой земли [1, с. 71–72]. Широкая география проведения чтений в Tobольской епархии – лучшее свидетельство успешной работы местного комитета ИППО. Помимо епархиального центра чтения регулярно проводились в Тюмени, Туринске, Березове, Кургане, Ялуторовске. К 1900 г. они были проведены в 14 селах епархии, в 1903 г. – в 58 населенных пунктах организованы 161 чтение, а в 1912–1913 – 492.

Организаторы чтений в их орбиту вовлекали как можно больше общественных учреждений: церквей, духовных учебных заведений, начальных школ и т. п. При организации чтений популярностью пользовались восемь выпусков, посвященных географии Палестины, публиковавшие выдержки из работы профессора Московской духовной академии Н. А. Елеонского «Очерки из библейской географии». Использовались труды: Н. Богословского «Священная история», А. П. Лопухина «Библейская история», И. В. Викторовского «Физическая география Палестины» и др. Большое значение в проведении чтений придавалось использованию изданий, посвященных вопросам паломничества и личным впечатлениям авторов. В качестве материалов для чтений использовались и материалы из местных епархиальных ведомостей и других изданий.

В Красноярской епархии действовал Енисейский отдел ИППО, роль центра в проведении массовых мероприятий возлагавший на библиотеку Общества. В 1899 г. в ее состав вошли более тысячи экземпляров книг:

«Чтения о Св. Земле» – 149 экз., «Беседы о Св. Земле» – 752 экз. и др., а также Палестинские листки – 200 экз. Для бесплатной раздачи во время чтений предназначались: Сведения о Св. Земле – 3 500 экз., «Виды Св. мест Иерусалима и Св. Земли» – 1 600 экз. [9, с. 324–333]. Кроме того, регулярные чтения проводились в церкви Всех Святых, братстве Рождества Пресвятой Богородицы, Канском Спасском соборе и приходах: Кемском Минусинского уезда, Пировском Енисейского уезда, Едетском Ачинского уезда [10, с. 4–6]. Часто чтения проходили в помещениях церковноприходских школ, где, как правило, присутствовали 60–120 человек [3, с. 22].

Лекторский персонал чтения, в силу объективных обстоятельств был неоднородным. Лучшей подготовкой обладали лекторы в епархиальных центрах, где выступали, как правило, священники, начальники, смотрители и преподаватели учебных заведений. Многочисленную лекторскую группу составляли и сельские учителя, так как сельские школы являлись, зачастую, единственными культурными центрами в той местности, где они находились. В 1913 г., например, в чтениях в Тобольской епархии участвовали 52 учителя, 68 священников и протоиереев, 20 диаконов и псаломщиков [11, с. 10–11].

По свидетельству местной прессы, чтения были интересны населению и нередко проходили при переполненных аудиториях, сопровождаясь показом «туманных картин» и хоровым пением учеников. На них старались пригласить людей, совершивших паломничество, чьи рассказы вызывали большой резонанс в обществе. Так, беседа о паломничестве в Антипинской церковноприходской школе, Тюменского уезда, организованная священником Елистратовым, вызвала интерес не только к Святой земле, ее современным жителям и постройкам, но и к стоимости проезда, времени в пути и т. п. Произошло это оттого, что на ней выступила специально приглашенная крестьянка М. П. Апраксина, в 1908 г. побывавшая в Палестине [11, с. 10–11]. Подобные мероприятия, несмотря на их явно популистский характер, отчасти удовлетворяли и любознательность слушателей в сведениях о новых землях. Общую просветительскую направленность чтений подчеркивает и популяризация литературы по обсуждавшимся проблемам, часто раздававшаяся бесплатно. Об их востребованности в народной среде свидетельствуют упоминания в отчетах о просьбах крестьян брошюр или «Листков» для чтения дома и в кругу родных и знакомых.

Таким образом, создание и деятельность в Сибири филиалов Императорского православного Палестинского общества было призвано актуализировать религиозный фактор, дать альтернативный вариант общественных организаций в России в конце XIX – начале XX, увлечь значительные массы населения страны религиозной православной идеей, что в нарастающей революционной ситуации было достаточно важно. Тем не менее нельзя исключать и общего культурного момента, как-то: доступности путешествия в Святую землю для каждого желающего независимо от его сослов-

ной принадлежности; приближении до почти осязаемого состояния библейских сюжетов; всеобщей солидарности в деле популяризации православия и Священного писания; популяризации книжного чтения путем распространения различных изданий, сопутствующих деятельности ИППО и его филиальных отделений.

Библиографический список

1. Деятельность отделов Императорского Православного Палестинского общества за 1901–1902 гг. // Сообщения императорского Православного Палестинского общества за 1902. – Т. XIII. – СПб., 1902. – 78 с.
2. Городков П. Открытие Тобольского отделения Императорского Православного Палестинского общества // Тобольские епархиальные ведомости. – 1897. – № 5.
3. Климовский Н. Религиозно-нравственные чтения при Градо-красноярской церкви Всех святых // Енисейские епархиальные ведомости (ЕЕВ). – 1913. – № 1.
4. Прение с греками о вере Арсения Суханова // Православный палестинский сборник. – 1889. – Вып. 21. – Т. VII. – 125 с.
5. Митыпова Е.С. Православные храмы в Забайкалье (XVII-нач. XX вв.): Опыт историко-культурного исследования. Улан-Удэ, 1997. – 104 с.
6. О Высочайшем утверждении Устава Православного Палестинского общества // Иркутские епархиальные ведомости (ИЕВ). – 1882. – № 40.
7. О мерах к прекращению недозволенных сборов на святые места в Палестине // ИЕВ. – 1884. – № 6.
8. О сборе пожертвований в пользу Императорского палестинского Общества в день входа Господня в Иерусалим // ИЕВ. – 1891. – № 13.
9. Отчет о деятельности Енисейского отдела православного Палестинского общества // ЕЕВ. – 1900. – № 12.
10. Отчет о деятельности Енисейского отделения Православного Палестинского общества за 1911–1912 гг. // ЕЕВ. – 1913. – № 1.
11. Отчет о деятельности Тобольского отделения Православного Палестинского общества за 1913 // Тобольские епархиальные ведомости. – 1914. – № 3.
12. Письмо Его императорского величества, Великого князя Сергея Александровича, председателя Православного Палестинского общества // ИЕВ. – 1887. – № 13.
13. Рескрипт Августейшего председателя императорского Православного Палестинского общества, Его Императорского высочества, великого князя Сергея Александровича на имя преосвященного Макария, епископа Томского и Барнаульского // Томские епархиальные ведомости. – 1901. – № 3.
14. Сообщения // Православный палестинский сборник. – Вып. 52. – Т. XVIII. – 1900. – 37 с.
15. Харченко Л. Н. Распространение православной духовной литературы и духовного просвещения в Восточной Сибири (XVII – первая пол. XIX вв.) : очерки истории. Иркутск, 2001. – 175 с.
16. Цысь О. П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX-начале XX вв.: автореф. дис... к. ист. наук. – Екатеринбург, 2003. – 25 с.

IV. LANGUAGES AND LINGUISTIC CULTURE OF SLAVIC NATIONS AS THE REFLECTION OF THEIR ETHNO-CULTURAL CONSCIOUSNESS

О МОРФОНОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕЛЯЦИИ *НУЖ-/НУЖД-* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Е. Н. Бекасова

*Доктор филологических наук, доцент,
Оренбургский государственный
педагогический университет,
г. Оренбург, Россия*

Summary. In this article is considered the problem of genesis of the Russian literary language on material of the relations of genetically correlative couples group of «separate words» *nadeja/nadejda*. The XI–XX centuries given dictionaries allow not only to concretize relationship of morphonological correlates, but also to prove a priority of lexemes in primordial registration in the semantic and word-formation plan. Historically developed heterogeneity of these correlates peculiar remains and in modern Russian and testifies not so much to safety of reflexes South Slavic by origin, how many to evolution of primordial morphonological system.

Keywords: genesis of the Russian literary language; lexicon; morphonology; word formation.

Впервые основные параметры фиксации, адаптации и соотношения генетически неоднородных элементов в системе русского языка были определены Ф. И. Буслаевым. При этом анализ употребления церковнославянских и русских соответствий в древнерусских памятниках письменности, в «областном просторечии» и современном литературном языке позволил Ф. И. Буслаеву выявить ряд особенностей в реализации праславянских рефлексов в системе русского языка и различия между группами генетически соотносительных элементов на русской почве. В частности, Ф. И. Буслаев отмечает, что современный литературный язык «представляет смесь смягчённых форм церковнославянских с русскими [6, с. 69–70].

Дальнейшие исследования шли в указанном фарватере с расширением списка слов и корректировкой их взаимоотношений (подробнее см. [5]). Итоги были подведены А. А. Шахматовым, представившим практически полный список слов с рефлексами праславянских сочетаний в современном русском литературном языке в виде трёх групп: глаголов и отглагольных существительных; причастий и «отдельных слов» [11, с. 250–252]. Такое деление, как мы отмечали, было весьма важным, особенно для группы генетически неоднородных рефлексов *tj, *dj, к которым до сих пор подходят с критериями, отточенными на корреляциях лексем с полногласием и неполногласием, характеризующихся достаточно свободным варьирова-

нием. Однако для слов с рефлексами *tj, *dj, входящих в парадигму морфонологических чередований, выбор того или иного по происхождению альтернанта зависел от позиции альтернации и их реализации в определённом взаимосвязанном системном образовании [4]. Наши исследования показывают, что в истории русского языка выделенная А. А. Шахматовым группа «отдельных слов» действительно выделяется среди других образований с указанными рефлексами и имеет свою особую судьбу в русском литературном языке [2; 3].

Следует отметить, что ряд коррелятов данной группы весьма востребованы при иллюстрациях отношений южнославянской и восточнославянских языковых стихий в истории русского литературного языка. В этом плане весьма «привлекательны» отмеченные А. А. Шахматовым пары типа «одежда (совр. *одежда, одёжа*), надежда (ср. *надёжный, имя Надёжка, обнадёжить*) ... нужда (ср. совр. *нужа, нужный*)» [12, с. 75], которые нередко используются как доказательства старославянской основы русского литературного языка. На первый взгляд в этих парах происходит распад корреляции в пользу члена с южнославянским по происхождению рефлексом. Однако такая поверхностная оценка не может приводить к столь категоричным выводам.

Во-первых, история пар *одежда – одежда, надежда – надежа, нужда – нужда* показывает равенство значений или семантическое превосходство исконного коррелята на фоне более высокой словообразовательной активности корней с восточнославянским по происхождению рефлексом [1].

В этом плане достаточно проанализировать специфику отношений членов пары *надежа – надежда*, которые, судя по данным словарей, являются морфонологическими дублетами с полностью совпадающей семантической структурой, ср.: ‘надежда, упование’: *седи въ врьтъпе моемь и надежю имамь къ богу* (Патерик Синайский, 65, X–XII вв.) – *Вы же кую имате надежду, поведите ми* (Великие Минеи Четьи, Апрель 22–30, 917. XVI в.); ‘Тот, на кого надеются’: *Надежа и заступница верьнымь суци спаси насъ от страсти от всякихъ* (Минея, сентябрь, 1096 г.) – *Тъ надежда странамъ* (Слово Ипполита об антихристе, 17. XII в.) [8, в. 10, с. 65]. Следует обратить внимание, что хронологически коррелят с южнославянским по происхождению рефлексом появляется позже, чем с исконным.

Однако на фоне тождества значений пары *надежа – надежда* в производных от указанных дублетов наблюдаются расхождения в словообразовательной и семантической структуре, демонстрирующие высокий потенциал оппозиции *надеж-*, ср.: *надеждный* (надеющийся, уповающий, полагающийся на кого-л., что-л.) – *надежный* (1. Такой, который надеется, полагается на кого-л., что-л. 2. Такой, на которого можно положиться, надёжный, верный. 3. В знач. сущ. надежная. 4. Крепкий, прочный, надёжный), *надежити, надежне, надежно*.

Уже в XVIII в. производные типа *надеждно, надеждность, надеждный* не выдерживают конкуренции с дублетами *надежно, надежность, надежный* и выпадают из употребления, при этом наличие того или иного по происхождению альтернанта вовсе не обязательно для стилистической дифференциации дублетов, что, например, наблюдается в паре *ненадежно – ненадежны* (кн.-слав.; слово, выпавшее из употребления) [9, в. 14: 228–229]. В этот же период в паре *надёжа – надежда* закрепляется стилистическое расподобление, ср.: *Надежа. Фольк.* То же, что надежда (Государь. *Уважительное название в народе русского царя*) – *Надежда*. 1. Вера в возможность осуществления чего-л. желаемого, ожидаемого. 2. Одна из трёх добродетелей богословских (Кормить надеждой. Луч надежды. Якорь надежды) [9, в. 13, с. 168].

В других однокоренных образованиях прослеживается исключительно восточнославянский по происхождению альтернант *обнадежный, обнадежность* [9, в. 16, с. 17], чему, на наш взгляд, способствовали глаголы *обнадежить, обнадеживать* и отглагольные существительные только в исконном оформлении *обнадеживание, обнадежание, обнадежение* [9, в. 14, с. 229]. Установившееся соотношение генетически неоднородных рефлексов *dj сохраняется и в современном русском литературном языке: гетерогенное словообразовательное гнездо содержит 32 производных с альтернантом /ж/ (в том числе *надёжа (обл., нар.-поэт.)*) и лишь одно слово с рефлексом южнославянского происхождения *надежда* [10, с. 144, № 84].

Таким образом, русский литературный язык с усвоением южнославянского обличия слова *надежда* сохраняет и развивает восточнославянскую составляющую в своей системе, что является одним из ярких подтверждений концептуального положения о том, что «тот, кому принадлежит «оба» <<одному языку принадлежит одно, а другому оба>>, является развивающимся языком культурного действия» [7, с. 172].

Библиографический список

1. Бекасова Е. Н. Миф о превосходстве южнославянских по происхождению рефлексов в истории русского языка // Филологические науки. – 2005. – № 2. – С. 42–49.
2. Бекасова Е. Н. Механизмы отбора генетически неоднородных коррелятов *жажда/жажа* в русском литературном языке // Основные тенденции развития русского и других славянских языков в современном мире. Сборник научных трудов по материалам международной конференции (15–16 мая 2014 г., г. Трнава). – Брно, 2014. – С. 44–49.
3. Бекасова Е. Н. О лексико-семантических отношениях коррелятов *межа/межда, прежде/прежде* в истории русского языка // Вестник Воронежского университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 2. – Воронеж: изд-во ВГУ, 2015. – С. 37–41.
4. Бекасова Е. Н. Об особенностях распада морфологической вариантности в истории русского литературного языка // Язык как система и деятельность – 5: Материалы Международной конференции. – Ростов-на Дону: изд-во Южного федерального университета, 1915. – С. 100–102.

5. Бекасова Е. Н. Генетический фон древнерусского текста: монография. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2010.
6. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / 2 изд-е, переделанное. – Ч. I. – М., 1863.
7. Колесов В. В. Рецензия на книгу М. Л. Ремнёвой «Пути развития русского литературного языка XI–XVII в.» (М., МГУ, 2003) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – № 3. – 2005. – С. 170–179.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука–Азбуковник, 1975–2011. – Вып. 1–29 (издание продолжается).
9. Словарь русского языка XVIII в. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. – Вып. 1–6; СПб.: Наука. С.-Петерб. отд-ние, 1992–2013. – Вып. 7–20 (издание продолжается).
10. Тихонов А. Н.. Словообразовательный словарь русского языка. – В 2-х т. – Т. 1. – М. : Русский язык, 1985.
11. Шахматов А. А. Из трудов по современному русскому языку (учение о частях речи). – М. : Учпедгиз, 1952.
12. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. – 4-е изд. – М. : Учпедгиз, 1941.

«ЗАДУМАВШИЕСЯ МАЛЬЧИКИ» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Е. А. Бирюкова

*Кандидат филологических наук, доцент,
Рязанское высшее воздушно-десантное
командное училище (военный институт)
имени генерала армии В. Ф. Маргелова,
г. Рязань, Россия*

Summary. Young heroes of Dostoevsky's novels looking for their faithful way of life. They think about life deeply, sometimes back the wrong horse, but still win. The writer hopes on the young people for the continuation of real life, the revival of the great future of Russia and the Russian people.

Keywords: Dostoevsky; growing generation; the search for truth.

В произведениях Ф. М. Достоевского действуют преимущественно дети переходного возраста, так как именно в этом возрасте происходит окончательный раскол цельного и органического мировосприятия на множество «pro» и «contra», удаление ребенка от природного начала и его внедрение в социальные группы, основывающиеся на более абстрактных связях. Именно «взрослые» дети, изменившие прежние занятия на другие, сознающие «прозу» и «факт» действительности, становятся активными участниками сюжетных конфликтов его произведений.

Повинуясь общей атмосфере произведений Ф. М. Достоевского, дети в них как бы овзросляются, подтягиваются до основных героев через раннее столкновение с несовершенством человеческой жизни, через «надрыв» и «надлом». «Надрыв» и «надлом» относятся к числу тех ключевых слов в

художественном лексиконе писателя, которые символизируют раскол душевного единства.

Ф. М. Достоевский прочувствовал угрозу трагичного будущего настолько сильно, что возлагал надежду только на подрастающее поколение, которое «всегда сыщет себе добрую дорогу уже одним инстинктом». Поэтому понятны и его герои, ищущие свой, верный жизненный путь, глубоко задумывающиеся о жизни, порой ошибающиеся, но все равно одерживающие «верх». Ф. М. Достоевский утверждал: «Юность чиста уже потому, что она – юность. Может быть, в этих столь ранних порывах безумия заключается именно эта жажда порядка и это искание истины». В романе «Подросток» эти искания отражены в целом ряде образов: Крафт, не захотевший жить в качестве породы второстепенных людей; Оля, дающая уроки и затравленная подлецами типа Свидригайлова; бунтарь Васин; опустившийся до уголовных дел князь Сокольский; авантюрист Ламберт и, наконец, сам Подросток – Аркадий Долгорукий, искавший свой путь среди этого «хаоса и беспорядка» – путь «благообразия» (Макар Иванович Долгорукий).

В романе «Братья Карамазовы» несколько иная градация персонажей – по возрасту, когда еще не все могут определиться со своей жизненной позицией, но уже задумываются об этом: это Илюша Снегирев и его одноклассники – Коля Красоткин – Алексей Карамзин. Рассказ о «мальчишках», по мнению Г. М. Фридендера, дает возможность Достоевскому обрисовать три различных поколения, «символизирующие прошлое, настоящее и будущее России» [1, с. 340]. Объединение детей у постели умирающего выражает мечту писателя о движении человечества к светлому будущему, к новому «золотому веку».

Сквозная тема в творчестве Ф. М. Достоевского – неблагополучное, «случайное» семейство и случайные, забытые дети, незаконнорожденные или брошенные отцами. Дети ищут идеал в своих родителях, но не находят. Коля Иволгин («в романе «Идиот») говорит: «Здесь ужасно мало честных людей, так, даже некого совсем уважать». Отцы, в которых дети ищут нравственную опору, на это не способны. Детям приходится определять жизненные ориентиры самостоятельно. В этом отношении наибольший интерес представляет роман «Подросток».

Главный герой романа Аркадий Долгорукий «был как выброшенный и чуть не с самого рождения помещен в чужих людях». Он вспоминает об этом с огромной обидой, обвиняет в этом отца, сухого и гордого, высокомерного и небрежного по отношению к сыну. Он воспитывался в пансионе у Тушара, француза из сапожников, «глубоко» необразованного, постоянно унижавшего Долгорукого. Мальчик стал одинок и несчастен. После несостоявшегося побега из пансиона 6-летний Аркадий чувствует свое одиночество с новой силой, осознает отсутствие друзей и родных и начинает свое «настоящее и правильное развитие». Вновь читатель Достоевского

встречается с ранним овзрослением героев, с их невеселым и вполне осознанным детством.

Тема духовного распада, «беспорядка» составляют в романе только фон, на котором раскрывается главная проблема – проблема положительного человека, неустанно волновавшая писателя со времен «Идиота». Н. М. Чирков подчеркивал, что «своеобразие этой проблемы в «Подростке» в том, что положительный человек здесь не нечто осуществленное, достигнутое и найденное, – представление о нем создается в исканиях такого человека, в поисках лучшего "я"» [2, с. 200]. Роман построен так, что раскрытие внутреннего мира Аркадия, его душевной борьбы неотделимо от изображения его отца, Версилова. Аркадий и Версилов дополняют друг друга. Резкость и жестокость Аркадия в отношении к отцу, оскорбления по его адресу – только выражение крайне высоких моральных требований к нему.

Борьба Аркадия за своего идеального Версилова – это борьба Подростка за самого себя, за свое лучшее «я», за свой идеальный первообраз. Основной причиной отхода Аркадия от пути устремления к идеалу является крайний душевный «беспорядок», который живет в душе отца и отражается в душе сына, причем в более резкой форме, в путанице понятий добра и зла. Форма исповеди сделана основной формой повествования романа. История морального падения и в перспективе морального возрождения Аркадия имеет свои два полюса. Один – это авантюрист Ламберт, крайний полюс падения. Другой – это странник Макар Долгорукий, полюс «благообразия», которого страстно жаждет Аркадий и которое живет и в душе Версилова.

Аркадий, излагая свою «идею» сделаться Ротшильдом и говоря об упоении могуществом при посредстве миллионов, заканчивает, однако, изложение своей идеи совсем другим смыслом – величайшим отречением от идеи. «Тогда, – не от скуки и не от бесцельной тоски, а оттого, что безбрежно пожелаю большего, – я отдам все мои миллионы людям; пусть общество распределит там все мое богатство, а я – я вновь смешаюсь с ничтожеством!»

У Подростка «румяные щеки», ему и «трех жизней мало». «Живучесть» спасла его от гибели, и он может дальше продолжать свой путь в поисках «благообразия». Только в страннике из дворовых, в Макаре Долгоруком, – источник «благообразия», которое ищет и находит Подросток. Сын Версилова и крестьянки, он носит в себе, с одной стороны, порочность высшего света, а с другой – чистоту и «святость» простого народа, и в этом с самого начала был залог того, что он один уцелеет, выберется из этого «хаоса и беспорядка».

«Высшая гармония», «золотой век», разрешающий все недоумения человеческой цивилизации, когда «дитё» восторгается над «извергом», когда всё «положительно прекрасное» проявляется в человеке – вот неясная мечта в воображении писателя-гуманиста. Но подобные представления

существенно корректировались «прозой» и «фактом» действительности. Дети были для него источником светлой надежды, потому что они, по мнению писателя, «делают нас лучше уже одним только нашим соприкосновением с ними» и «очеловечивают существование в высшем смысле». Поэтому в век «случайных семейств» Ф. М. Достоевский утверждал: «иметь детей и родить их – есть самое главное и самое серьезное дело в мире, было и не переставало быть» [3]. «И любить их», ведь «если уже перестанем детей любить, то кого же после того мы сможем полюбить и что станет с нами самими?» [4] Поэтому внутреннее движение многих романов писателя – это борьба за возвращение к детству. В молодых людях надежда Федора Михайловича на продолжение «живой жизни», возрождение России и великая будущность русского народа, потому что «из подростков создаются поколения».

Библиографический список

1. Фридлиндер Г. М. Реализм Достоевского. – М. - Л.: Наука, 1964. – 404 с.
2. Чирков Н. М. О Стиле Достоевского. Проблематика, идеи, образы. – М.: Наука, 1967. – 304 с.
3. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876. Т. 13. URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/dostoevsky-pss15-13/dostoevsky-pss15-13>. (дата обращения 12.11.2015)
4. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1877. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/dostoevs/dostdn18.htm> (дата обращения 12.11.2015)

ЯВЛЕНИЯ ПОЛИЛИНГВИЗМА И БИЛИНГВИЗМА В ЖУРНАЛЕ «РАДЯНСЬКА ЖІНКА/ЖІНКА»

Е. А. Ковальчук

*Институт журналистики,
Киевский национальный
университет имени Тараса Шевченко,
г. Киев, Украина*

Summary. The article deals with the phenomenon of bilingualism and multilingualism in the Ukrainian magazine «Radyans'ka zhinka/Zhinka». In Soviet times, it was used as multilingualism in the linguistic and ideological purposes. In the context of the independence of multilingualism moved into the sphere of fashion. Bilingualism exists as an ideological heritage, and as a sign of technological progress, and as a sign of the globalization of the world.

Keywords: multilingualism, bilingualism, magazine, «Radyans'ka zhinka/Zhinka».

В Советском Союзе, провозглашавшем братство и дружбу народов, вполне естественным выглядели явления полилингвизма и билингвизма – в официальной и бытовой среде, в массовых телекоммуникациях, в интенсивном миграционном трафике, но особенно в средствах массовой инфор-

мации. Не был исключением здесь и журнал «Радянська жінка» («Советская женщина»).

Во времена правления И. Сталина регулярно проводились дни, недели и месяцы культуры того или другого народа СССР как в Москве, так и в пятнадцати союзных республиках. Главный женский журнал на Украине мог использовать полилингвизм и билингвизм в основном в публикуемых художественных произведениях, где маркировочные обозначения носили характер агнонимов – слов, не известных большинству носителей языка.

Так, в январском номере издания за 1952 год в рубрике «Женщины братских республик» был опубликован очерк народной писательницы Узбекистана Зульфийи о знатном хлопководе Гурсунай Каримовой. Украинские читательницы, особенно в сельской местности, могли понять особенности сбора и хранения этой растительной культуры по схожести большинства технологических процессов (вместо хлопка – пшеница, рожь, ячмень и т. д.). Для непосвященных, которых могли отпугнуть непонятные языковые заимствования и даже побудить выбыть из категорий первичной и постоянной аудитории, в сноске в конце журнальной колонки разъяснялись технические термины: «хирман – ток для просушки хлопка»; «гуза-пая – сухие стебли хлопчатника, собираемые осенью и зимой на топливо» [1].

Августовский номер издания за тот же 1952 год вышел с рассказом индийского писателя Кавтеджа, в котором украинские читательницы могли познакомиться с экзотикой далекой страны в том числе благодаря употреблению некоторых терминов: «саринх» («вид индийской акации»), «коял» («местная кукушка»), «каджал» («копоть, сажа с лампы») [2].

Особняком стоит июньский номер «Радянської жінки» за 1952 год. Дело в том, что в отрывке из повести «На туркменской земле» украинской писательницы Агаты Турчинской используются лексически освоенные слова, понятные всем категориям советских читателей: «ата» («отец») и «вах, вах!» («ой, ой!») [3].

Во времена правления Н. Хрущева языковая политика редакции журнала не изменилась. В февральском номере журнала за 1958 год в рубрике «Женщины капиталистических стран» была опубликована заметка под заголовком «Ама», рассказывающая о японских ныряльщицах, ищущих жемчуг в морских глубинах («ама» яп. – «морская дева») [4].

После распада СССР не могли не измениться экстралингвистические, культурологические, психологические и собственно лингвистические условия существования того или иного языка, отразившиеся в сознании и речевых стратегии и поведении его носителей. Главный женский журнал Украины выбросил из собственного названия принадлежность к Советскому Союзу и стал называться «Жінка». На его страницах трансформировалось явление полилингвизма, перебравшись в сферу моды. Женское издание традиционно уделяет большое внимание индустрии моды, и поэтому вполне закономерным выглядит появление на страницах современной

женской периодики в целом, и журнала «Жінка» в частности, таких терминов, как «тренд», «ельтбег», «джипси», «джокейз», «пусеты», «роялти», «андо», «клоке», «ринг-бек», «хипстер» и т. д.

Как правило, они публикуются в подборке под заголовком «Модный словарь» и направлены на расширение кругозора читательниц журнала. Им даже отведена постоянная, 13-я страница в каждом номере издания [5].

В официальной же и бытовой среде, как наследие царской и советской русификации, активно функционирует российско-украинское двуязычие. Журнал «Жінка» выступает за чистоту обоих языков. С этой целью редакция прибегает к ненавязчивым для читателей, но довольно эффективным средствам. Имеется в виду публикация иронически-юмористических коротких стихотворений, которые хорошо запоминаются и надолго откладываются в читательской памяти. Так, в апрельском номере издания за 2015 год размещено интервью с журналистом, сатириком и переводчиком, лауреатом литературной премии имени Остапа Вишни Юрием Березой, проиллюстрированное подборкой его юмористических двустиший и четверостиший. Вот короткий пример:

«– Знаю, – хвалиться Андрій, – / Папа римський, тато – мій!» [6].

Следует признать, что в последнее время украинское журналистиковедение пристально наблюдает за явлениями полилингвизма и билингвизма на Украине. Об этом свидетельствует диссертационное исследование М. В. Варич [7].

Библиографический список

1. Зульфия. Турсунай Каримова / Зульфия // Радянська жінка. – 1952. – Янв. – № 1. – С. 14 – 15 (на укр. яз.).
2. Кавтедж. Пули вместо хлеба / Кавтедж // Радянська жінка. – 1952. – Авг. – № 8. – С. 12 (на укр. яз.).
3. Турчинская Агата. На туркменской земле / Агата Турчинская // Радянська жінка. – 1952. – Июнь. – № 6. – С. 25 (на укр. яз.).
4. Ама // Радянська жінка. – 1958. – Февр. – № 2. – С. 23 (на укр. яз.).
5. Модный словарь // Жінка. – 2015. – Янв. – Сент. – № 1 – 9. – С. 13 (на укр. яз.).
6. Головецкая Ольга. Напоминание о языковых порядках / Ольга Головецкая // Жінка. – 2015. – Апр. – № 4. – С. 10 – 11 (на укр. яз.).
7. Варич М. В. Двуязычная пресса в условиях билингвизма в Украине: история, практика, тенденции развития : автореф. дисс. канд. наук социал. коммуник.: 27.00.04 – теория и история журналистики / Киевск. нац. ун-т им. Т. Шевченко, Ин-т журналистики / Варич Марина Валериевна. – К.: Б. и., 2009. – 17 с.

**ФОРЕНИЗАЦИЯ И ДОМЕСТИКАЦИЯ
В ПЕРЕВОДАХ РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА
«МАСТЕР И МАРГАРИТА»
НА АНГЛИЙСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ¹**

А. И. Милостивая

*Кандидат филологических наук, доцент,
Северо-Кавказский федеральный
университет,
г. Ставрополь, Россия*

Summary. The aim of this study is to analyze the processes of domestication and foreignization in terms of their relevance to the explication of the semiotic culture code in *The Master and Margarita* after M. Bulgakov and its translations into English and German. The present study is concerned with an excerpt from the novel which expresses the semiotic code culture «Currency transactions in the USSR» and its translated versions in English (translated by Michael Glenny in 1967 and Hugh Aplin in 2008) and in German (by German translators Thomas Reschke in 1968 and Eric Boerner in 2012). The study proves that these translation strategies are in the relationship of complementarity in English and German translations of the novel and provide the explication of the semiotic culture code from the original text in the target languages.

Keywords: domestication; foreignization; semiotic culture code; English and German translations of *The Master and Margarita* after M. Bulgakov.

В современном переводоведении все чаще в фокус исследовательского интереса попадает круг вопросов, связанный со статусом переводного текста в социокультурном пространстве принимающего языка, а также с определением границ переводческой адаптации, позволяющих сохранить коммуникативную адекватность текста-транслата оригинальному литературному произведению. При таком подходе исследователи все чаще и чаще обращаются к анализу переводческих стратегий форенизации и доместикиции.

Классик российского переводоведения А. В. Федоров справедливо заметил, что «сохранение национального своеобразия подлинника, предполагающее функционально верное восприятие и передачу целого сочетания элементов – задача чрезвычайно сложная в плане как практического ее решения, так и теоретического анализа» [6, с. 378]. Исходя из данного соображения, этот исследователь призывает обращать особое внимание на передачу национальной окраски литературного произведения, которая, по его мнению, выражается не только при передаче в переводе особенностей материальных артефактов и социальных условий жизни той культуры, в пространстве которой функционирует текст оригинала, но и в процессе

¹ Статья подготовлена при поддержке программы Erasmus Mundus Aurora II. Соглашение № AUORA2013B392.

трансляции идиоматики исходного текста. Поэтому важно для переводчика разрешить дилемму и избрать для себя в качестве приоритета определенный стиль работы, при котором он должен «или показать специфику и впасть в «экзотику», или сохранить привычность и утратить специфику, заменив ее спецификой одного из стилей того языка, на который делается перевод» [6, с. 381].

В современной российской литературе по теории перевода рассматриваются две основные переводческие позиции, связанные с особенностями передачи культурной специфики исходного текста в переводе:

1. «ориентация на передающую культуру, т. е. на оригинал:
 - позиция экзотизации;
 - позиция нейтрализации смысла;
 - позиция историзации, т. е. текст звучит «сейчас» как «тогда», намеренная архаизация старых текстов.
2. ориентация на принимающую культуру:
 - позиция натурализации, т. е. снятие особенностей оригинала;
 - идеологическая позиция, т. е. изменения в угодуьполитической конъюнктуре;
 - адаптационная позиция» [4, с. 231].

Как представляется, охарактеризованная выше проблема имеет два альтернативных решения: переводчик должен избрать либо стратегию форенизации, либо придерживаться доместикации при передаче содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации из текста-транслята. Большой вклад в исследования данного аспекта переводческой деятельности внес американский исследователь Л. Венути, работающий в русле популярной в последнее время постколониальной теории перевода, акцентирующей зависимость между способом перевода и культурным доминированием / подчинением. Рассматривая перевод как «движущую силу аккультурации» (*labour of acculturation*) [13, с. 5], Л. Венути вкладывает в понятия доместикации и форенизации, в первую очередь, этическую оценку по отношению к иноязычному тексту и культуре переводящего языка.

При этом исследователь под доместикацией понимает «ориентированность текста перевода на доминантные ценности принимающей культуры» [14, с. 18], а под форенизацией – сознательное пренебрежение «лингвистическими и культурными нормами переводящего языка» [14, с. 15] с тем, чтобы придать трансляту оттенок чуждости и отдаленности от его читателя. Таким образом, доместикация перевода нацелена на примат передачи в переводном тексте аксиологической информации о социокультурном пространстве исходного языка, а форенизация – на отображение эстетики оригинала как переводческой доминанты.

Другими словами, данные различия можно описать следующим образом: «Если читатель транспонируется в пространство текста оригинала,

то речь идет о форенизации; если же текст подстраивается под читателя, то налицо доместикация» [12, с. 373]. Л. Венути выступает сторонником социокультурной детерминации при выборе между переводческими стратегиями доместикации и форенизации. Он подчеркивает, что доместикация, к примеру, не является автоматическим продуктом определенного времени, места или ситуации, она может выступать следствием политического давления, цензуры, различных нравственных ценностей, а также зависеть от потенциального адресата перевода, в частности, она нередко имеет место в переводах для детей и национальных меньшинств. Кроме того, «в пользу выбора доместикации зачастую выступают также экономические факторы: большая читабельность подобных переводных текстов способствует их коммерческому успеху на издательском рынке» [14, с. 18]. Поэтому Л. Венути справедливо полагает, что для англоязычной культуры типична доместикация переводных текстов. Исследователь, напротив, выступает сторонником форенизации перевода, и, как следствие, он выступает за толерантность по отношению к ценностям исходной культуры. Используя терминологию самого Л. Венути, он отдает приоритет доместицирующему «переводу-невидимке» (invisible translation) над форенизацией, т. е. «видимым переводом» (visible translation).

В отечественных трудах по теории перевода стратегии доместикации и форенизации рассматриваются как находящиеся в отношениях дополнителности, при этом они лишены социокультурной оценочности: «На практике форенизация и доместикация если и не исключают друг друга, то по крайней мере сосуществуют в переводе ценой условностей и компромиссов, в которых мастер перевода готов открыто признаться» [3, с. 9]. В данном исследовании мы склонны придерживаться данной трактовки социокультурного статуса рассматриваемых стратегий переводческой деятельности. Более того, с нашей точки зрения представляется релевантной связь принятия переводческого решения и семиотики процесса перевода.

Исходя из допущения, что «перевод является преобразованием одного семиотического объекта в другой» [11, с. 105], мы считаем аксиоматичным необходимость достижения коммуникативной адекватности в переводе, связываемой нам с необходимостью передачи в тексте-транслате семиотических кодов культуры исходного текста. На необходимость данного требования к переводческой деятельности указывал Ю. М. Лотман: «Схема художественного перевода показывает, что передающий и принимающий пользуются различными кодами K_1 и K_2 , пересекающимися, но не идентичными. В случае обратного перевода это даст не исходный, а некоторый третий текст T_3 . Еще ближе к реальному процессу циркуляции сообщений случай, когда перед передающим оказывается не один код, а некоторое множественное пространство кодов k_1, k_2, \dots, k_n , каждый из которых – сложное иерархическое устройство и допускает порождение некоторого множества текстов, в равной мере ему соответствующих» [5, с. 159].

На сходные онтологические параметры переводческого процесса указывает также Л. Венути. В частности, он подчеркивает, что «интерпретация текста оригинала переводчиком всегда ограничена особенностями потенциального реципиента, а также культурным и институциональным контекстом того социума, где будет функционировать переводной текст» [14, с. 14]. Таким образом, экспликация культурного кода в переводе, понимаемого как «культурный код – это информация, закодированная в определенной форме, позволяющая идентифицировать культуру» [1, с. 69], неизбежно связана с форенизацией перевода.

Целью данного исследования является анализ процессов форенизации и доместикации с позиции их релевантности для экспликации семиотических кодов культуры на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в английских и немецких переводах. В данной статье мы обратимся к анализу фрагмента из данного романа, выражающего семиотический код культуры «Валютные операции в СССР», а также его переводов на английский Майкла Гленни (1967) и Хью Эплина (2008) и немецкий языки Томаса Решке в (1968) и Эрика Бернера (2012).

Характерной чертой межличностного общения в советском социуме является презрительное отношение к предпринимательству и торговле, которые объявлялись спекуляцией и рассматривались как уголовные преступления. При этом наиболее тяжелым было наказание за незаконные валютные операции, которые в советский период назывались валютными спекуляциями. Вот как данная реальия повседневной жизни советских людей изображена в булгаковском романе и его переводах на английский и немецкий языки:

– Алло! Считаю долгом сообщить, что наш председатель жилтоварищества дома номер триста два-бис по Садовой, Никанор Иванович Босой, **спекулирует валютой** [2, с. 244]. – ‘Hullo! I consider it my duty to report that the chairman of our tenants’ association at No 302A Sadovaya Street, Nikanor Ivanovitch Bosoi, **is dealing in black-market foreign currency**’ [7, с. 118]. – ‘Hello! I consider it my duty to inform you that the Chairman of our Housing Association at No. 302 bis on Sadovaya, Nikanor Ivanovitch Bosoi, **is speculating in foreign currency**’ [8, с. 100]. – ‘‘Hallo! Ich halte es für meine Pflicht, zu melden, daß der Vorsitzende unserer Wohngenossenschaft in der Sadowaja 302b, Nikanor Iwanowitsch Bossoi, **in Devisen spekuliert** [10, с. 126]. – ‘‘Hallo! Ich halte es für meine Pflicht, mitzuteilen, daß unser Vorsitzender der Wohngenossenschaft des Hauses zweieihundertzwei-bis von der Sadowaja, Nikanor Iwanowitsch Bossoj, **mit Valuta spekuliert** [9, с. 108].

Сразу отметим, что все переводчики в данном случае верно распознали и выразили средствами переводящих языков семитический смысл рассматриваемой реалии советской жизни. Однако при этом они избрали разные стратегии. Английский переводчик Майкл Гленни пошел по пути доместикации при помощи перефразирования выделенной жирным шриф-

том выражения из текста оригинала в английский эквивалент, который буквально значит «торгует на черном рынке иностранной валюты». Упоминание черного рынка вызывает у потенциального читателя негативные ассоциации, а связь данного негативно воспринимаемого в культуре переводящего языка экономического института с положительно оцениваемыми носителями английской лингвокультуры концептами «Торговля» и «Валютные операции», возможно, способствует возникновению у него допущения того, что в культуре переводящего языка данные концепты оцениваются по-иному. Таким образом, английский переводчик в рассматриваемом текстовом фрагменте коммуникативно адекватно передал как денотативную фактуальную информацию о торговой деятельности Н. Босого, так и ее оценку советскими современниками, эксплицирующую семиотический код рассматриваемой реалии-культуры.

Другой переводчик романа М. А. Булгакова на английский язык Хью Эплин также при переводе данного отрывка прибегает к доместикации, избирая эквивалент *is speculating in foreign currency*, при этом он дает пояснение в затекстовой сноске, что данная операция в советском социуме считалась нарушением закона. Тем самым этот переводчик делает попытку передать не только деенотативную, но и коннотативную информацию, содержащуюся в анализируемом пассаже, что ему в некоторой степени удастся, однако экспрессивность языкового выражения булгаковского оригинала при этом все же утрачена.

Немецкий перевод анализируемой лексемы Томаса Решке, как и у переводчиков на английский язык, доместицирован. Он базируется на использовании сходного по звучанию и значению немецкого глагола «*spekulieren*», смысл которого, с точки зрения переводчика, ясен немецкому реципиенту, знакомого по опыту своего прошлого, так или иначе связанного с ГДР, с ограничениями на валютные операции в социалистическом социуме. Именно поэтому, как представляется, немецкий переводчик не использует прием прагматической адаптации при передаче культуры «спекулировать валютой».

Немецкий переводчик Эрик Бернер идет по другому пути. Он избирает в качестве переводческой стратегии форенизацию, используя в текстотрансляте немецкую лексему *Valuta*, обладающую специальной стилистической окраской, которая маркирует ее принадлежность к финансово-экономическому дискурсу. Хотя переводчик и избирает лексему, фонетически созвучную тексту оригинала, вызывает сомнения коммуникативная адекватность данного приема, т. к. намек на экспликацию незаконного характера данной деятельности в советском социуме, описанном в булгаковском романе, в данном его переводе на немецкий язык отсутствует.

Таким образом, можно сделать вывод, что для достижения коммуникативной адекватности художественного перевода возможно использование как доместикации, что преобладает при переводе русской литературы

на европейские языки, так и форемизации. В переводах романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на английский и немецкий языки данные переводческие стратегии находятся в отношениях дополнительности и служат оптимальной экспликацией в переводящем языке семиотических кодов культуры исходного текста.

Библиографический список

1. Букина Н. В. Культурный код как язык культуры // Вестник Читинского государственного университета. – 2008. – № 2 (47). – С. 69–73.
2. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита // Булгаков М. А. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9. – М. : Голос, 1999. – С. 156–522.
3. Воскобойник Г. Д., Ефимова Н. Н. Общая когнитивная теория перевода. – Иркутск : ИГЛУ, 2007. – 252 с.
4. Гарусова Е. В. Переводческие позиции как способ оптимизации перевода художественного текста // Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты: Материалы Международной научной конференции. – Ростов-на-Дону: Логос, 2009. – С. 231–233.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб. : Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
6. Федоров А. В. Основы общей теории перевод (лингвистические проблемы). – СПб. : Филологический факультет СПбГУ. – М. : ООО Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.
7. Bulgakov M. The Master and Margarita. Trans. M. Glenny. – London : Vintage, 2004. – 445 p.
8. Bulgakov M. The Master and Margarita. Trans. H. Aplin. – London : One world Classics LTD, 2008. – 460 p.
9. Bulgakow M. Der Meister und Margarita. Trans. E. Boerner. –Norderstedt: Norderstedt Books on Demand, 2012. – 432 S.
10. Bulgakow M. Der Meister und Margarita. Trans. T. Reschke. – München: Random House, 2008. – 511 S.
11. Hatim B., Mason I. Discourse and the Translator. – London : Longman, 1990. – 272 p.
12. Paloposki O., Oittinen R. The Domesticated Foreign // Andrew Chesterman, Natividad Gallardo and Yves Gambier (eds.) Translation in Context: Proceedings of the 1998 EST Conference in Granada. – Philadelphia & Amsterdam: John Benjamins, 2001. – p. 373–390.
13. Venuti L. Rethinking Translation. – London and New York: Routledge, 1992. – 235 p.
14. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. – London: Routledge, 2008. – 319 p.

ПЕСНИ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ В РЕПЕРТУАРЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ ВУЗА КУЛЬТУРЫ

Т. В. Тищенко

*Кандидат искусствоведения, доцент,
Орловский государственный
институт культуры, г. Орёл, Россия*

Summary. The article is devoted to one of actual problems of modern education in the university culture – attached to the historical and cultural heritage of the Slavic peoples, the patriotic education of youth through the introduction in the current repertoire of songs of patriotic themes. Patriotic education as a vector of vocational training. The value of patriotic songs that are part of the repertoire of modern university students' culture.

Keywords: patriotic education; culture; patriotic themes; historical and cultural heritage; contemporary training; repertoire.

Одной из актуальных проблем современного обучения в вузе культуры является приобщение к историко-культурному наследию славянских народов, патриотическое воспитание молодёжи. Она имеет место и на исполнительских кафедрах – хоровое дирижирование, народное пение и др. Одним из путей решения этих вопросов является внедрение в текущий репертуар песен патриотической тематики. Прежде чем определить значение патриотических песен, входящих в репертуар современных учащихся вузов культуры, следует предварительно остановиться на самом понятии патриотизм. В последние годы в России патриотизм является одной из самых дискуссионных тем, широко обсуждаемых в различных сферах.

Преданность своему народу, готовность к подвигам во имя интересов своей родины для русского человека – это не просто малозначащие слова. Любовь к своей стране, защита ее интересов входят в привычное для нас и так часто слышимое и повторяемое понятие «патриотизм». Различные словари и энциклопедии не дают ему единого определения. Однако, суммируя предложенную ими информацию, можно сделать некоторые обобщения.

Патриотизм – (от лат. *pater* – отец, греч. *patre* – родина, *patris* – отечество) – определен как благородная любовь к отечеству, к родной земле, Родине как к месту рождения или к стране, принявшей человека и признаваемой им в качестве таковой согласно внутреннему чувству принадлежности, как нравственный принцип, норма и чувство, возникшие еще на этапе становления человечества [5; 7].

Патриотизм понимается как моральная позиция, которая выражается в уважении к историко-культурным традициям, в готовности отстаивать независимость родины, противостоит национализму, главный мотив которого – самоутверждение и жажда господства. В городской среде развивается привязанность к своей культурной среде, к родной гражданственности.

Патриотизм предполагает уважительное отношение к другим народам и их культурам, признание прав народов на свою независимость и самостоятельность. «Это чувство, которое делает народ и каждого человека ответственным за жизнь страны. Без патриотизма нет такой ответственности. Если я не думаю о своём народе, то у меня нет дома, нет корней. Потому что дом – это не только комфорт, это ещё и ответственность за порядок в нём, это ответственность за детей, которые живут в этом доме... Чувство патриотизма ни в коем случае нельзя смешивать с чувством враждебности к другим народам. Не разрушай у других, а созидай у себя. Тогда и другие будут относиться к тебе с уважением» – говорил о патриотизме Патриарх Алексий II [4].

Чувство патриотизма помогает человеку осознать свою принадлежность к той или иной культуре, впитать ее богатства. Этот нравственно-политический принцип, свойственный всем национальностям и народностям, содержанием которого является преданность отечеству, стремление защищать его интересы, гордость за его прошлое и настоящее. Патриот уважает историческое прошлое края и его традиции; испытывает привязанность к месту жительства (к городу, деревне, стране в целом) [5].

Патриотизм проявляется в конкретных поступках человека. «На личностном уровне патриотизм выступает как важнейшая устойчивая характеристика человека, выражающаяся в его мировоззрении, нравственных идеалах, нормах поведения» [3]. В ходе патриотического воспитания человек приобретает веру в себя, свои умения и знания, чувство собственного достоинства. Эти необходимые каждому человеку качества формируются различными способами и средствами.

На сегодняшний день социологи выявляют значительное число разнонаправленных мнений по вопросам патриотизма, констатируют отсутствие единого понимания патриотического воспитания, а также недостаточную четкость государственной политики в этой области. Это проблемы, которые ожидают своего решения [6]. К основным проблемам современного патриотического воспитания относят, прежде всего:

- изменение ценностных ориентиров молодежи;
- снижающийся образовательный уровень молодежи.

Непосредственное отношение к патриотическому воспитанию имеют общественные организации и религиозные объединения; семья, учреждения культуры, учебные заведения всех уровней. Такие учреждения, как музеи, школы, колледжи и институты культуры проводят огромную систематическую работу по воспитанию патриотизма у молодёжи. Среди мероприятий наибольшее распространение получили выставки, конкурсы, фестивали творчества, посещение исторических, краеведческих и художественных музеев и т. д.

Думается, что патриотическое воспитание заложено в рамках профессионального обучения. Практически любая профессия, которую осваи-

вают студенты нашей страны, начиная от учителя и заканчивая архитектором или певцом, несёт в себе позитивное созидательное начало, направленное на создание духовных и материальных ценностей, а значит, в конечном итоге, на развитие и процветание нашей родины. Поэтому можно утверждать, что прилежно учась, а затем, работая «на совесть» (независимо от размера финансового за неё вознаграждения), человек уже проявляет чувство патриотизма.

Обозначим, какие средства приемлемы для патриотического воспитания в условиях современного обучения в вузе культуры.

Действенным средством, воспитывающим патриотический дух, давно признана песня. Многообразие тематики исторических, строевых, лирических и др. песен, своеобразие национальной мелодики, ритмики, особенности вокального исполнения оказывают сильное психологическое воздействие как на зрителей/слушателей, так и на самих исполнителей. Причем, по нашему мнению, коллективное слаженное исполнение имеет более мощное воздействие.

Подвиги отважных героев и простых людей, тесные уважительные семейные отношения, красота родной природы и уют родного дома – вот те «вечные» темы, которые не просто несут некую информацию исторического или социального направления, они созвучны душе каждого человека, способны всколыхнуть всё лучшее и доброе, что заложено в людях [2; 8].

Такая тематика наполняет многие народные песни, созданные в различные исторические периоды, а также содержится в произведениях современных авторов, создающих песни в «народном стиле» (к примеру, творчество саратовского композитора-песенника М. Устинова).

Особенной силой воздействия обладают патриотические солдатские песни, посвященные событиям Великой отечественной войны 1941–1945 гг. «В землянке», «В лесу прифронтовом», «Дорога на Берлин», «Синий платочек», «Смуглянка», «Соловьи», «Эх, дороги», «Священная война», «Три танкиста», «День Победы», «Ой, туманы мои!».

Несмотря на то, что современными учебными программами не предусмотрено обязательное изучение патриотических песен, каждый педагог стремится пополнить сольный, ансамблевый и особенно хоровой репертуар студентов такими песнями. Реализовать его можно не только в ходе текущих занятий, но и в рамках концертных мероприятий – концертов, конкурсов патриотической песни, фестивалей, благотворительных выступлений для ветеранов. Проникнувшись один раз возвышенным патриотическим состоянием, человек постепенно впитывает его в своё сознание, общается к историко-культурному наследию своего народа.

Подводя итоги можно привести высказывание, которое на наш взгляд довольно точно отражают суть рассматриваемой темы. «Вопрос патриотического воспитания не может быть формальным, он должен именно сообразовываться с личными представлениями каждого человека о

его месте, с его восприятием страны, Родины. Этим нужно заниматься так, чтобы это создавало соответствующее желание у наших студентов изучать историю страны, создавало ощущение причастности к сегодняшнему дню и гордости, конечно, за те события, которые были в прежний период». Д. А. Медведев (Из видеоконференции в приемной Президента России, 9 апреля 2009 г.)

Библиографический список

1. Марченко Е. В. Патриотическое воспитание – важная составляющая будущего страны / Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». URL: <http://festival.1september.ru/articles/611668/>
2. Народное музыкальное творчество: хрестоматия / отв. ред. О. А. Пашина. – СПб. : Композитор, 2007. – 336 с.
3. Николаева Г. Патриотизм и проблемы духовно-нравственной безопасности России Волгоградский гос. пед. университет, 2008. URL: <http://voenn.info/docs/ogp/ogp-kl/2008/2008-12-1.html>
4. Патриотизм. Святейший Патриарх Алексий II. Интервью газете «Труд» URL <http://azbyka.ru/patriotizm.shtml>
5. Патриотизм. Философский словарь / Крупнейший сборник онлайн-словарей. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/s/patriotizm.html>
6. Патриотическое воспитание молодежи. URL: <http://womanadvice.ru/patrioticheskoe-vostritanie-molodezhi>
7. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935; Т. 2. М., 1938; Т. 3. М., 1939; Т. 4, М., 1940. (Переиздавался в 1947-1948 гг.); Ре-принтное издание. – М., 1995; М., 2000.
8. Традиционная культура Орловщины: экспедиционные, архивные, аналитические материалы: в 3 томах. Том. 2. – М., 2012. – 584 с.

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ АУДИРОВАНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ

Я. Л. Чернявская

*Кандидат филологических наук,
Тюменское высшее военно-инженерное
командное училище
им. маршала инженерных войск
А. И. Прошлякова, г. Тюмень, Россия*

Summary. The article is devoted to the using of clips from popular songs as the material for listening on the lessons of Russian as a foreign language. The strengths and weaknesses of folk songs (as teaching material) are showed in article. Methodical development for the songs “Oh, frost, frost”, “You're my Cute” and “Kalinka” suit for Breakthrough and Waystage Levels (A1-A2).

Keywords: folk song; Russian as a foreign language; listening comprehension; audio-visual method.

Решение иностранца изучать русский язык часто связано с утилитарной целью: сотрудничество в сфере бизнеса или получение образования в российском вузе. А значит, наиболее важной задачей при обучении можно считать не чтение, а формирование навыка слушания и понимания звучащей речи. При этом одним из важнейших принципов является принцип наглядности [1, с. 6]. Видеоклипы с песенным материалом позволяют использовать на занятиях как лингвистическую, так и экстралингвистическую наглядности. Видеоряд не только развлекает и удерживает внимание, но и помогает понять содержание песни.

Стихотворный текст может служить для автоматизации грамматических конструкций и закрепления фонетических навыков, на более позднем этапе – расширяет представления учащихся об изобразительных средствах русского языка [3]. На всех этапах – помогает создавать ассоциативные связи и сформировать определенный паттерн (образец, шаблон речевого поведения) [2, с. 39]. Также народные песни, являющиеся важной частью культуры, знакомят с духовными ценностями русской культуры и особенностями менталитета.

Закреплению материала способствует и сама песенная структура (слова, положенные на музыку, запоминаются легче обычного стихотворения), и особенности текста народной песни. Так, например, во многих народных песнях можно наблюдать многочисленные повторы. Речь идет не только о так называемых «припевах» (которые являются характерной особенностью большинства песен вообще). Часто куплеты народной песни представляют собой повторяющиеся синонимические и семантические структуры. Например, в песне «Миленький ты мой» первая треть является шаблоном, по которому строятся две последующие части. Причем лексико-грамматический состав повторяется в них на 90 %.

Миленький ты мой,
Возьми меня с собой,
Там в краю далёком
Буду тебе женой.
Милая моя,
Взял бы я тебя,
Но там в краю далёком
Есть у меня жена.

Данная особенность позволяет обеспечить прочное усвоение лексического материала, а также употребительных грамматических и синтаксических конструкций.

Однако есть у народных песен и существенные минусы, затрудняющие понимание текста песни иностранцем:

- не всегда правильный русский литературный язык: неправильные ударения (которое «подстраивается» под размер строфы), неправильная форма слова (например, *сёмый* вместо *седьмой*, *берёзова* вместо *берёзовая*),

- диалектная лексика и устаревшие просторечные слова (миловать, заломать и др.), которые не только создают трудности при переводе и понимании, но и в дальнейшем бывают мало полезны при коммуникации. Историзмы и архаизмы являются ценным лингвокультурологическим и страноведческим материалом, однако если данной лексики в тексте много, это значительно снизит эффективность понимания. Наличие в песне подобной лексики требует подробного и продолжительного изучения ее текста с активным привлечением экстралингвистических средств.

Народные песни, имеющие данные особенности, могут быть полезны и интересны для студентов, не первый год изучающих русский язык. В то же время, для элементарного и базового уровней требуется тщательный подбор материала, который будет соответствовать уровню освоения русского языка учащимися.

В качестве первых могут быть выбраны народные песни «Ой, мороз, мороз», «Миленький ты мой» и «Калинка».

Удобный формат первой песни (лаконичность содержания, повторы, медленный темп, простые лексика и синтаксис) позволяет легко понять текст. Работа с песней «Ой, мороз, мороз» уместна на занятиях по лингвострановедческой тематике, а также при закреплении будущего времени и повелительного наклонения глагола. При этом предполагается, что учащиеся усвоили грамматический материал по темам «Существительное» «Глагол», «Местоимение».

До работы с текстом необходимо перевести все новые слова, часть из которых требует дополнительного объяснения. Например, при переводе прилагательного «белогривый» приводится словообразовательная модель и прилагательные, построенные по этой модели («черноволосый», «белокаменный» и т.п.). Также на дотекстовом этапе можно обсудить название, за-

дав вопрос «Какое время года изображено в песне?». Перед прослушиванием учащиеся получают задание: «Что вы можете рассказать о главном герое песни? О его жене?». Также преподаватель предупреждает обращать внимание на употребление глаголов. После прослушивания предлагается заполнить таблицу, в которой нужно записать глаголы «морозить», «ждать», «печалиться», «вернуться», «обнимать», «напоить» в той форме, в которой они употребляются в тексте, а также отметить грамматические характеристики каждой формы. При необходимости возможно дополнительное прослушивание.

Песня «Миленький ты мой» состоит из трех частей, построенных по одному шаблону: женщина просит мужчину взять ее с собой в качестве жены, сестры или «чужой», мужчина каждый раз ей отказывает. Таким образом, перевод первой трети текста обеспечивает понимание всей песни. Медленный темп, простые лексика, синтаксис и повторяющиеся фразы позволяют использовать данный материал в группе с низким уровнем владения русским языком.

Рекомендуется для освоения или повторения темы «Семья», а также грамматических тем «Повелительное наклонение», «Сослагательное наклонение». Отдельное внимание необходимо уделить культурологической составляющей. В качестве предтекстовых заданий можно предложить перевести несколько новых слов (всего лексем в песне около десяти) и просклонять местоимения «я» и «ты», т. к. в тексте они встречаются часто и в разных формах. Непосредственно перед прослушиванием даётся вводная информация и ставится вопрос: «Эта песня – разговор двух человек. Кто они? О чём они говорят?». После прослушивания внимание акцентируется на формах повелительного и сослагательного наклонения, обсуждаются главные герои (участники диалога) и ситуация, при которой диалог мог возникнуть.

Быстрый темп плясовой песни «Калинка» может затруднить понимание в группах с низким уровнем освоения русского языка. В то же время куплеты, в которых темп воспроизведения замедляется, содержат слова с неправильным ударением (напр., под зелено́ю), просторечную лексику («душа-девица») и большое количество междометий. Поэтому работа над песней рекомендуется с опорой на печатный текст.

В качестве предтекстовых заданий предлагается перевести новые слова и обратить внимание на словообразовательные модели (калина – калинка, сосна – сосёнушка. Притекстовое задание – ответить на вопрос, от лица мужчины или женщины поётся песня. После прослушивания обучающимся можно предложить ответить на вопросы: К кому обращается автор (лирический герой)? Что он просит? Какое настроение несёт песня? Весёлая она или грустная?

При работе над текстом песни «Калинка» важно обратить внимание на словообразование при помощи суффикса -к-. После повторения теории

и записи модели «калина + -к- = калинка» предлагается задание образовать по данной модели новые слова от слов: груша, ягода, яблоко (с чередованием *к/ч*), душа, сосна (с беглым гласным *ё*).

При аудиовизуальном методе экстралингвистические факторы играют особенную роль, поэтому важен подбор правильного видеоряда, который отражает содержание текста песни и помогает пониманию.

Библиографический список

1. Золотых Л. Г., Лаптева М. Л., Кунусова М. С., Бардина Т. К. Методика преподавания русского языка как иностранного в китайской аудитории : учебное пособие. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2012.
2. Краснер И. Некоторые аспекты нейронауки в приложении к изучению иностранных языков. Русский язык за рубежом. – 2012. – № 3. – С. 34–40.
3. Савченко Т. В., Какорина Е. В. Программа по русскому языку как иностранному для детей, не владеющих или слабо владеющих русским языком // Русский язык. 2006. – № 16. <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200601603>

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2016 ГОДУ**

Дата	Название
15–16 января 2016 г.	Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты
17–18 января 2016 г.	Развитие творческого потенциала личности и общества
20–21 января 2016 г.	Литература и искусство нового века: процесс трансформации и преемственность традиций
25–26 января 2016 г.	Региональные социогуманитарные исследования: история и современность
5–6 февраля 2016 г.	Актуальные социально-экономические проблемы развития трудовых отношений
10–11 февраля 2016 г.	Педагогические, психологические и социологические вопросы профессионализации личности
15–16 февраля 2016 г.	Психология XXI века: теория, практика, перспективы
16–17 февраля 2016 г.	Общество, культура, личность в современном мире
20–21 февраля 2016 г.	Инновации и современные педагогические технологии в системе образования
25–26 февраля 2016 г.	Экологическое образование и экологическая культура населения
1–2 марта 2016 г.	Национальные культуры в социальном пространстве и времени
3–4 марта 2016	Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы
5–6 марта 2016 г.	Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях
10–11 марта 2016 г.	Социогуманитарные и медицинские аспекты развития современной семьи
13–14 марта 2016 г.	Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты
15–16 марта 2016 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2016 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2016 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
27–28 марта 2016 г.	Современные инфокоммуникационные и дистанционные технологии в образовательном пространстве
29–30 марта 2016 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2016 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2016 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира

10–11 апреля 2016 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2016 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
18–19 апреля 2016 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2016 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2016 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2016 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2016 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2016 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2016 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2016 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2016 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2016 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2016 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2016 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2016 г.	Реклама в современном мире: история, теория и практика
25–26 мая 2016 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2016 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2016 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2016 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2016 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2016 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2016 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2016 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2016 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2016 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
10–11 октября 2016 г.	Актуальные проблемы связей с общественностью
12–13 октября 2016 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2016 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2016 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2016 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации

20–21 октября 2016 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2016 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2016 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2016 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2016 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2016 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2016 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2016 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2016 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2016 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2016 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2016 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2016 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2016 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

**ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛАХ «СОЦИОСФЕРА»
И «PARADIGMATA POZNÁNÍ»**

Название	«СОЦИОСФЕРА»	«PARADIGMATA POZNÁNÍ»
Страна	Россия	Чехия
ISSN	ISSN 2078-7081	ISSN 2336-2642
Тематика	Социально-гуманитарный	Мультидисциплинарный
Сроки выхода номеров	Март, июнь, сентябрь, декабрь	Февраль, май, август, ноябрь
Реферативные базы	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Россия), • Open Academic Journal Index по адресу, • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада) 	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада)
Импакт-фактор	<ul style="list-style-type: none"> • (Global Impact Factor) за 2014 г. – 0,784. • (РИНЦ) за 2013 г. – 0,194. 	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России

(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Faculty of Business Administration, University of Economics in Prague
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences
Penza State Technological University
Penza State University

HISTORY, LANGUAGES AND CULTURES OF THE SLAVIC PEOPLES: FROM ORIGINS TO THE FUTURE

Materials of the IV international scientific conference
on November 25–26, 2015

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Signed in print 07.12.2015. 60x84/16 format.
Writing white paper. Publisher's sheets 4,8.
100 copies.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosphere.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz